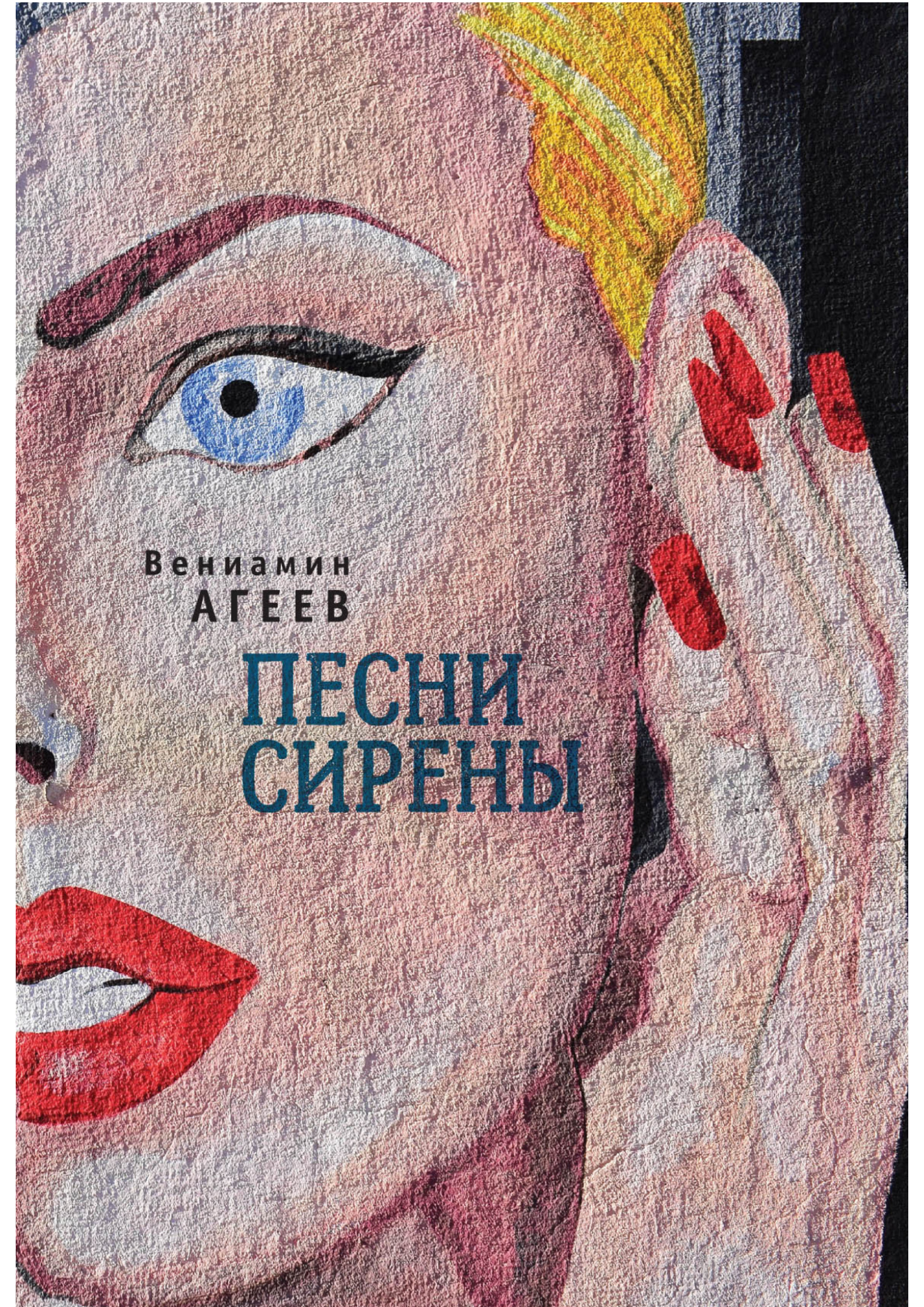

Вениамин
АГЕЕВ

ПЕСНИ
СИРЕНЬ

Вениамин Агеев

Песни сирены (сборник)

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Агеев В.

Песни сирены (сборник) / В. Агеев — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-907030-89-3

Главная героиня романа ожидает утверждения в новой высокой должности – председателя областного комитета по образованию. Вполне предсказуемо её пытаются шантажировать. Когда Алла узнаёт, что полузабытый пикантный эпизод из давнего прошлого грозит крахом её карьеры, она решается открыть любимому мужчине секрет, подвергаящий риску их отношения. Терзаясь сомнениями и муками ревности, Александр всё же спешит ей на помощь, ещё не зная, к чему это приведёт. Проза Вениамина Агеева – для тех, кто любит погружаться в исследование природы чувств и событий. Она обогащает читателя опытом жизненных историй, мастерски переданных рассказчиком.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907030-89-3

© Агеев В., 2018
© Алетейя, 2018

Содержание

Песни сирены	6
I	6
II	10
III	13
IV	16
V	20
VI	22
VII	23
VIII	31
IX	32
X	37
XI	38
XII	43
XIII	44
XIV	51
XV	53
XVI	60
XVII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Вениамин Агеев

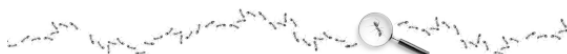
Песни сирены

© В. Агеев, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

Песни сирены

Ревновать можно только того, кем обладаешь.
Анна де Сталь

I

Моя девушка – шлюха.

Мне было нелегко признаться в этом даже самому себе.

Но пришлось. Конечно, не сразу. Только тогда, когда сомнения сменились твёрдой уверенностью. Или лучше сказать, лишь после того, как у меня не осталось других объяснений и я вынужден был сделать своё открытие и констатировать очевидное с помощью конкретного слова – а, при всех допущениях толкований, это было самое точное слово, которое я мог найти. Чисто внешне моё открытие почти ничего не изменило, но имело весьма заметное и настолько же странное влияние на образ мыслей. Наверное, любые странности можно объяснить, если докопаться до их глубинной сути. И всё-таки...

Вот, скажем, одна из многих странностей.

Само собой разумеется, что все последующие события, связанные с моей подругой, я уже не мог воспринимать так, как раньше, – это понятно. Но теперь даже наше прошлое почему-то проявилось в ином свете – вернее сказать, в нём вдруг высветились какие-то тени, какие-то до сих пор не просматривающиеся тёмные углы.

Впрочем, я погорячился, сказав «вдруг». Это не совсем верно – как раз не вдруг, а постепенно. Осознание новых реалий не было ни мгновенным, ни хотя бы бурно эмоциональным. Ну так, чтобы аж потемнело в глазах, чтобы я стиснул зубы или закричал. Или, например, захотел порезать себе вены, выпить уксуса, спрыгнуть с балюстрады высотного гаража напротив моих окон. Словом, оно не было таким, о котором можно было бы сказать «вдруг». Я не припоминаю ни одной детали своего открытия, которая сама по себе поражала бы в достаточной степени, чтобы заставить меня испытать что-нибудь вроде мгновенного шока. Нет... Вовсе нет. Не было ничего такого. Зато, с другой стороны, даже самые укромные закутки моих воспоминаний – из тех, что обычно так и остаются в потемках и которые невозможно воссоздать достоверно, потому что они едва касаются сознания, – утратили своё прежнее значение и приобрели новое. С того самого момента они как бы начали постепенно линять, меняя полярность и переходя в противоположный знак.

Между прочим, в качестве побочного эффекта подобных перемен приходит прозрение того, насколько восприятие даже таких вещей, как всяких до той поры милых сердцу пустячков или, наоборот, досадных мелочей зависит от общего фона. От фона влюблённости, или неприязни, или, быть может, равнодушия – кстати, фон равнодушия отнюдь не гарантирует верность суждений, он только служит некоторой гарантией непредвзятости. Или, например, от

фона доверия – а как раз такой и был у меня по отношению к моей любимой, которую я считал не только обаятельнейшей из женщин, но и самой близкой своей подругой. И тут, за каких-то несколько недель, я неожиданно для себя начал видеть в ней не только её неизменную и всегда несколько раздражавшую меня преувеличенную склонность к обидчивости, но и никогда раньше не замечаемые физические недостатки, вроде несимметрично отвисшей левой груди или странной колкости верхней губы и подбородка, заставляющей подозревать о тщательно истребляемой втайне от меня щетине. Насколько я понял, моё естество начало исподволь готовить меня к расставанию, делая её всё менее привлекательной в моих глазах.

Но почему?

Задавая себе этот вопрос, я не имел в виду какие-то колебания. К сожалению, у меня не было ни малейшего основания сомневаться – ни в распутности Аллы, ни в том, что это вполне отвечало её природным наклонностям, а вовсе не являлось чем-то внешним, навязанным ей обстоятельствами. И потом – всё, что имело для меня значение, мы с ней выяснили вполне. А если и не дошли до самого дна, то только потому, что углубление в дальнейшие подробности не доставляло мне удовольствия. Уточнение же того, присуще ли ей распутство просто в высокой или же в превосходной степени, принципиально ничего не меняло. Так что суть не в этом, нет.

Мне всего лишь хотелось, да и до сих пор хочется понять – отчего я почувствовал себя настолько задетым, что даже и теперь не могу притворяться, будто это оставляет меня равнодушным. Мои нынешние ощущения можно в чём-то сравнить с болью от застарелого обломка занозы, оставшегося медленно гнить глубоко под кожей. Вроде бы внешне всё в полном порядке – щепку вынули, ранка давно зажила и отсохла небольшой твёрдой корочкой. Но стоит сделать неловкое движение, как где-то внутри возникает тупая боль, причём даже локализовать её почти невозможно. Иногда кажется, что болит в одной точке, иногда – в другой. Не так сильно, чтобы из-за подобной мелочи тащиться к хирургу, но и не так слабо, чтобы об этом можно было навсегда забыть.

Это-то и странно. Казалось бы – ну какая разница? Может, распутница даже и лучше в некоторых отношениях – в конце концов, говоря беспристрастно, Алла в состоянии украсить одинокую постель любого холостяка.

К тому же я вполне взрослый, хотя и не старый ещё мужчина. Во всяком случае, пора моих гормональных всплесков и связанной с ними игры буйных страстей давно миновала.

Да и Алла успела вступить в пору «бальзаковского возраста». Это выражение, кстати говоря, вопреки непонятно почему укоренившемуся и очень распространённому мнению, подразумевает женщин от тридцати до сорока лет, а отнюдь не пятидесятилетних, как не столь давно, в своей характерной безапелляционной манере, заявила нам молодящаяся ведущая одной из телевизионных программ, ссылаясь при этом непонятно почему на «Госпожу Бовари» Флобера. «Вот те на! – мог бы обидеться мсье Флобер, если бы и на самом деле был причастен к возрастному определению для женщин. – Оригинально! Роман написал я, а возраст почему-то – «бальзаковский!» Но, на самом деле, справедливость не попорана – просто виконтесса де Боссеан менее известна в народе, чем госпожа Бовари. Впрочем, суть, опять же, не в этом. А в том, для начала, что мы оба – я чуть раньше, Алла чуть позже – разменяли четвёртый десяток лет. Вместе мы вовсе не так уж давно: прошло едва больше года не то что с начала наших близких отношений, а даже и с самого момента знакомства.

Так что же удивительного в том, что до нашей встречи у каждого из нас случались связи с другими? Почти каждый зрелый человек таскает с собой рюкзак минувшего. У меня за спиной были даже жена и ребёнок в раннем, ещё «студенческом» браке. Алла, правда, насколько мне было известно, никогда не выходила замуж. Но в наше время глупо ожидать, что девушка будет тихо стареть в светёлке отцовского терема, ожидая сватов от суженого.

Кроме того, у нас с ней почти сразу установились ровные, удобные, достаточно тёплые отношения, хотя, быть может, не столь уж тесные в духовном смысле. Впрочем, после того

как я несколько раз терпел крушение именно из-за иллюзии повышенной задушевности, некоторую отстранённость можно было считать скорее положительным моментом. Тем более что ни я, ни Алла – по крайней мере, в том, что касалось планов на ближайшее будущее, – не только не думали о свадьбе, но не стремились даже и к тому, что на новоязе беззастенчиво называют «гражданским браком», наперекор традиционному значению этого словосочетания, всего лишь противопоставляющего церковному венчанию регистрацию брака в светском варианте. К тому же совместное проживание при некоторых плюсах несло и определённые минусы – особенно если принять во внимание особенности служебных режимов. У меня – бесконечные очередные и внеочередные дежурства и «подмены», у Аллы – частые служебные командировки по всей нашей обширной области. Бытовые условия при таких обстоятельствах вряд ли выиграли бы, и даже видеться мы едва ли стали бы намного чаще. Да ещё и с жильём пришлось бы что-то решать. Если предполагать какой-то обмен, то у Аллы хотя бы имелась если и не роскошная, так, по крайней мере, отдельная однокомнатная квартира в центре. А я, с точки зрения материального вклада в устройство совместного гнезда, выглядел бы крайне жалко со своей – пусть просторной и светлой – но всего лишь скромной комнатой в коммуналке, расположенной на рабочей окраине города. Это сразу поставило бы меня в зависимое положение. Опыт прошлого также не располагал к поспешным решениям – в том числе во всём том, что касалось обмена и всякого рода квартирных вопросов. Между прочим, именно благодаря этому опыту я и оказался жителем старого, сталинской ещё постройки, дома по улице Пролетарской – надо заметить, вполне оправдывающей своё название. Прекрасную квартиру, которую некогда «выбил» для меня, в ту пору ещё зелёного новоиспечённого врача, ныне покойный заведующий урологическим отделением Иноземцев, я четыре года тому назад оставил бывшей жене. Оставил, отчасти смутно надеясь на какие-то перемены к лучшему, а отчасти из-за одного спорного свойства своего характера. Бывшая соученица по средней школе и вечная – впрочем, не без взаимности – жилетка для выплакивания душевных драм и потрясений Оля Норкина, или просто «Норка», как без особого полёта фантазии её раз и навсегда окрестили ещё в начальной школе грубые и неделикатные однокашники, называет это моё свойство «благородством». Тогда как мама, не склонная к идеализации своего отпрыска, называет то же самое просто «глупостью» и «неприспособленностью к жизни». Как это ни печально, но, принимая во внимание, что Норка, при всех её достоинствах, всё-таки совершенно неисправимая романтическая дура, мамино определение, пожалуй, ближе к истине. Кстати, о мамах. Жизнь в многонациональной южной части России предоставляет прекрасные возможности для этнографических наблюдений. Когда я был подростком, на лестничной площадке, где мы тогда жили, обитали четыре семьи с детьми разного возраста. При этом ни я, ни Вовка Котенко из двенадцатой квартиры так и не снискали особой славы у своих матерей, тогда как у наших соседок тёти Эльвиры Назарянц и у тёти Розы Гринберг дети были сплошь гениальные. Откуда черпает снисходительность ко мне Норка, с её типичным, не считая длинноватого носа, экстерьером среднерусской овальнолицей породы, я не могу сказать. Впрочем, она мне не мать, хотя, судя по степени притязаний на опеку, это не очевидно. Учитывая то, что она на два года моложе меня, её учительский тон и диктаторские замашки ещё менее объяснимы, но такова реальность.

Как бы то ни было, заниматься квартирными обменами мне разонравилось ещё на стадии развода. Были, конечно, другие варианты. Например, сдавать мою комнату, а жить у Аллы. Но здесь снова возникли бы те же проблемы – ощущение, что ты приживальщик, даже если деньги за комнату и пошли бы в общий котёл. Да и неизбежное чувство несвободы от вторжения в чей-то уже налаженный распорядок не принесло бы мне радости. Впрочем, всеми этими выкладками я так и не успел поделиться с Аллой. Они возникли у меня достаточно недавно, можно сказать, перед самым началом конца, да и то лишь в самом черновом варианте и только

под воздействием смутного ощущения, что от меня чего-то ждут. В свете последних событий вопрос сам собой отпал, тем более что он никогда не был ни обсуждён, ни даже озвучен.

Таким образом, в практическом смысле ничто не мешало нам продолжать жить дальше как ни в чём не бывало, и единственным серьёзным препятствием для этого могло бы стать только желание завести ребёнка. Но и в этом вопросе Алла давным-давно расставила все «точки над ё». Дело было с полгода тому назад, во время «межспирального» периода – когда из-за кое-каких осложнений одну спираль у неё вытащили, а другую порекомендовали ставить не раньше чем через два месяца. Алла вся изнервничалась, борясь с моими ухаживаниями и с собственными желаниями. Я даже заподозрил, что она скрывает от меня истинную причину недомогания. Но её паническая боязнь разъяснилась самым элементарным образом.

– Нет, нет и нет! – заявила она мне в один из вечеров, когда я был особенно настойчив. – У меня, можно сказать, самый опасный период, а ты лезешь с какими-то глупостями. Я вообще никогда не хотела иметь детей, а уж сейчас... А вдруг? – и закончила свою тираду «книжным» оборотом. – Благодарю покорно!

– А почему «сейчас»?

Я в большей степени озадачился именно неожиданной временной привязкой, нежели жизненной позицией Аллы или, скажем, чисто технической стороной вопроса, в общем-то, легко решаемой.

– Не делай вид, будто ты не понимаешь! – возмутилась она. – Мне нужно очки зарабатывать. Меня только три месяца назад в должности зама утвердили, а Чернышёва, говорят, через полгода будут выдвигать на повышение.

Чернышёв – это фамилия председателя областного комитета по образованию и непосредственного начальника Аллы, весьма к ней благоволящего.

– Чернышёв мне, конечно, поможет, но только при условии, что я и сама буду на высоте. Так что мне не до разных там пелёнок! Да и вообще! Я не думаю, что мне когда-нибудь захочется возиться с детьми, мне и трёх лет с лихвой хватило.

Насчёт «трёх лет» – это по поводу того, что она, прежде чем уйти в административную структуру всевозможных райотделов, три года отработала по распределению учительниц начальных классов.

– Ну ладно, – всё ещё озадаченно согласился я. – Только я всё равно не пойму. Разве это такая большая проблема? Можно же...

– Ты предлагаешь, чтобы я, как малолетка, по абортариям бегала? – перебила меня Алла. – Нет уж, дураков нет!

– Но есть же и другие методы...

– А! Ты про это? От таблеток поправляются, а всё остальное ненадёжно. Так что, будь добр, потерпи. Я же терплю, а мне не легче, чем тебе.

Что ж, зная Аллу, пожалуй, можно было согласиться с последним утверждением.

Впрочем, даже если бы и нельзя – если уж Алла начала говорить какую-то чушь, то можно быть уверенным, что с пути она не свернёт и от слов своих не откажется даже под пыткой. Я никогда не встречал никого другого, кто мог бы с ней сравниться по части вздорности. Даже то, что по роду своих занятий я, предположительно, был гораздо осведомлённее в области медицины, её совершенно не смущало.

Как бы то ни было, но и то последнее, что могло бы побудить меня соединить свою судьбу с судьбой Аллы, теперь отпало.

Принимая же во внимание совокупность обстоятельств – не всё ли мне было равно, насколько у неё незапятнанный моральный облик? И сначала я так и подумал – плевать! Какая разница? И даже сделал вид, что ничего особенного не случилось. Но, как оказалось, где-то под спудом, помимо рациональной мотивировки и даже вопреки ей, мне было глубоко не всё равно. Именно в этом мне и захотелось разобраться в какой-то момент.

II

На самом краю земли, посреди унылой долины, там, где не растёт ничего, кроме тополей с чёрной корой да жёлтых цветов – асфodelов, где один из рукавов девятируслого Стикса впадает в реку плача Кокит, от которой, в свою очередь, берёт начало медленно катящая свои тихие воды река забвения Лета, есть небольшая живописная лужайка, покрытая яркой, изумрудно сияющей в лучах солнца ароматной травой. Здесь поют птицы, и самый воздух кажется здесь свежее и слаще. Даже без усталости дуящий пронзительный ветер, царствующий по всей этой бесплодной равнине, на зелёной лужайке как будто стихает и уже не доносит сюда смрада болот и трясин Ахеронта – зловонной и неприветливой реки скорби. Здесь, на этом самом месте, нашла свою смерть возлюбленная Аида – нимфа по имени Мята, которая получила прозвище Мята Кокитида от названия заводи реки, на берегу которой она истекла кровью.

Аид вовсе не был таким суровым, каким его привычно считали из-за репутации мрачного царства Гадеса – в конце концов, светлый Олимп отошёл к Зевсу лишь по капризу жребия, когда братья после победы над титанами делили между собой владения, а ведь могло бы случиться и иначе. Но так уж вышло, что небо досталось Зевсу, грозное море – Посейдону, а Аиду, хотя он ни в чём не уступал ни одному, ни другому брату, пришлось примириться с судьбой и принять подземный мир. Как бы то ни было, владыка царства мёртвых был не только красивым и сильным богом, но и искусным любовником. Не приходилось Аиду когда-либо встречать женичины – ни богини, ни смертной, – в которой он не смог бы с необычайной лёгкостью разжечь пыл бурной страсти. Покорять холодных и надменных Аиду даже нравилось – нравилось, как склонялись они, как не своею силою – нет, но властью их же собственных побуждений он мог заставить любую женичину подчиниться ему, а в подчинении найти наивысшую радость. Может быть, из-за этого он и влюбился с первого взгляда, едва увидел спящую под кипарисом Персефону, когда они вместе с крылатым богом сна Гипносом вышли ночью на землю.

Персефона, дочь Зевса и богини плодородия, великой Деметры, росла странной девушкой. Она казалась чужой даже в собственном кругу. Ребёнком она не резвилась, не смеялась, не играла, а в то же время и к учёбе не проявляла особых талантов, несмотря на тщетные усилия премудрой Афины Паллады. Повзрослев, Персефона превратилась в вялую, невзрачную богиню, лишённую пыла, желаний и жизнерадостности. Не считая Деметры, души не чаявшей в дочери, все обитатели Олимпа относились к томной и мечтательной девушке, обладающей бледных полупрозрачных щёк и тонких шёлковых волос, со снисходительной жалостью превосходства здоровых над больными.

Напрасно Гипнос предостерегал Аиду, что внешность Персефоны выдаёт в ней холодную натуру, не подверженную ни ровному горению, ни даже редким вспышкам любовной страсти. Лишь сильнее распалился желанием владыка подземного мира – тем паче, что, как казалось ему, никогда до того не встречал он девушки, более достойной стать его женой. Не решаясь просить руки своей племянницы у Деметры, недолюбливавшей младшего брата и ни за что не согласившейся бы отпустить дочь в царство мёртвых, Аид вместо этого отправился к Зевсу, а Гипноса попросил навязать на громовержца крепкий сон. Зевс, как и рассчитывал Аид, был крайне раздосадован, будучи пробуждён от крепкого сна среди ночи, и, более желая отделаться от непрошеного гостя, чем вдаваясь в суть просьбы Аида, дал своё согласие на похищение Персефоны. После этого Аид уговорил богиню земли Гею вырастить в том месте Никейской долины, куда ходила гулять Персефона со своими подругами, дивные ярко-алые цветы. На следующий день, как только увидела дочь Деметры чудо-цветы, сразу захотела набрать себе целый букет. Но только один-единственный цветок успела сорвать она –

вдруг разверзлась земля, и из глубин на быстрой колеснице вырвался бог подземного царства. Быстрее молнии подхватил он девушку на руки и умчал под землю. Сомкнулась земля над похитителем и похищенной им Персефой. Только вскрикнуть и успела дочь Деметры.

Богиня плодородия услышала этот крик. Она поспешила в Никейскую долину, встопыкала дочь, спрашивала её подруж, но той нигде не было. Девять дней и ночей, одетая в чёрные одежды, простоволосая, блуждала Деметра по свету, продолжая спрашивать каждого встречного об исчезнувшей дочери. Однако никто не мог ей помочь.

На десятый день, заливаясь слезами, Деметра обратилась к титану Гелиосу. «О бог лучезарный! – воззвала она к нему, – Ты видишь все с высоты небес. Если есть у тебя хоть капля жалости к несчастной матери, скажи, где моя дочь? Где мне искать её?» И ответил Деметре всевидящий Гелиос: «Знай, великая богиня, твою дочь похитил царь подземного мира Аид. Умерь же свою великую печаль, ведь стала Персефона женою твоего могущественного брата».

Боль утраты помутила разум богини. В гневе слала она проклятия небу и поклялась: «Ногой не ступлю я на Олимп, пока не вернут мне дочь, и ни единому зёрнышку не дам прорасти из земли!» И тогда всякий рост на земле прекратился. Листья на деревьях завяли и облетели. Леса стояли обнажёнными. Трава поблела; цветы опустили вниз свои пёстрые венчики. Не было плодов в садах, засохли зелёные виноградники, не зрели в них тяжёлые сочные грозди. Прежде плодородные нивы были пусты, ни былинки не росло на них. Замерла жизнь на земле. Голод царил повсюду. Гибель грозила людскому роду, но печаль по нежно любимой дочери так и не покинула Деметру, как не забыла она и своего гнева на Зевса.

Но и Аиду не принесла радости женитьба на Персефоне. Дочь Деметры скучала в царстве мёртвых, тосковала по матери, не любила мужа. Была и сама несчастна в браке, и к супругу неласкова и равнодушна.

Обманулся в своих ожиданиях Аид. Слишком поздно признал он, что переоценил силу своего искусного пыла, и понял, что мужчина бессилён, если женщина по-настоящему холодна.

Зевс тоже был разгневан – ведь не мог же он допустить всеобщей гибели из-за глупой обиды Деметры! Послал он тогда Ириду-радугу на землю, чтобы она позвала богиню плодородия на совет богов. Просила Ирида Деметру и умоляла, и даже яростью Зевса угрожала ей – непреклонной осталась богиня, не захотела возвращаться на Олимп прежде, чем возвратит ей Аид Персефону.

Послал тогда Зевс к своему брату Гермеса, поручив ему обходительными речами убедить царя подземного мира отпустить дочь Деметры. Спустился Гермес под землю, предстал перед сидящим на троне владыкой теней умерших и передал ему волю Зевса. Не осмелился Аид перечить громовержцу. Но прежде чем отпустить Персефону, попросил совета у Гипноса – навсегда утратить власть мужа над женой казалось Аиду позорным.

Могуч был бог Гипнос, любого умел усыпить, когда прилетал он на собственных крыльях с головками мака и рогом снотворного напитка в руках. Ни смертные, ни боги не могли ему сопротивляться, ни даже сам громовержец Зевс – и ему Гипнос мог сомкнуть грозные очи крепким сном. Могуч был бог Гипнос, и научил он Аида, что делать, и всем необходимым снабдил.

Прежде чем отпустить жену на землю, Аид угостил её сочным плодом персейона, наркотической разновидностью граната. Всего-то несколько зёрнышек проглотила Персефона. Она не знала, что в этих зёрнышках таилась великая сила, которая неодолимо повлечёт её обратно. Теперь Аид был уверен, что Персефона вернётся к нему. Взошла дочь Деметры на колесницу Аида, и бессмертные кони в одно мгновение перенесли её к матери. Бросились Деметра навстречу дочери, заключила её в объятия – снова с ней была ненаглядная Персефона. Вместе они вернулись на Олимп. Вновь нежной весенней листвой покрылись деревья,

запестрели цветами луга, заколосились нивы. Все живое ликovalo, славilo богиню Деметру и её дочь.

Шло время. Старая луна много раз сменилась новой. Загрустила Персефона. Это проглоченные зёрна напомнили о себе. «Ты знаешь, как я люблю тебя, – обратилась Персефона к матери, – но отпусти меня хоть ненадолго к Аиду, ведь он мне муж. Я обещаю, что скоро вернусь.»

Аид, между тем, уже давно отчаявшись добиться от жены ответных чувств, одарил своей нежною лаской скромную нимфу Мяту. И даже и не особенно скрывался от Персефоны, ибо считал, что если та не способна на чувство любви, то и ревность должна быть ей неведома. Правда, Гипнос, близкий наперсник Аида, посвящённый в амурные похождения друга, предупредил, что Персефона жестока и мстительна, но даже и бог сна не мог предположить, насколько трагически закончится для Мяты её связь с Аидом.

Хотя Персефона за всю жизнь так и не испытала чувства любви, она оказалась крайне ревливой супругой. Вернувшись в царство мёртвых и узнав о привязанности Аида к нимфе, Персефона тут же в гневе бросилась преследовать её. Мята пыталась бежать, чтобы укрыться в топиях Ахеронта, но упала, поскользнувшись на крутом берегу Кокита. В следующее мгновение Персефона настигла её и растерзала. Пролившаяся кровь окрасила воды Кокита и обогатила берег реки. Так умерла Мята. А на том месте, где оборвалась её жизнь, вскоре выросла густая изумрудная трава. Аид, не сразу узнавший о случившемся, уже не мог спасти нимфу, но затаил в своём сердце глубокую печаль и раскаяние от того, что не уберёт возлюбленную от лютого гнева Персефоны. И, дабы увековечить память о Мяте, придал траве пряный аромат, приятный и богам, и смертным.

Так и повелось с тех самых пор: каждый год на четыре долгих месяца покидает свою мать Персефона, и всякий раз Деметра погружается в печаль и снова облачается в тёмные одежды. И тогда вся природа горюет. Желтеют на деревьях листья, и срывает их осенний ветер; отцветают цветы, нивы пустеют, наступает зима. Замирает природа, пока не вернётся к своей матери Персефона из безрадостного царства Аида, спит, чтобы вновь проснуться в радостном блеске весны. Когда же возвращается к Деметре её дочь, великая богиня плодородия щедрой рукой сыплет свои дары людям и благословляет труд земледельца богатым урожаем.

Но хотя и проводит Персефона по-прежнему часть года вместе с мужем, ничуть не стала больше её любовь к нему, а ревность со временем лишь возросла. Так что теперь супруги по большей части пререкаются и бранятся, пока не закончится очередной срок их вынужденного сожительства. И лишь расставшись, вновь на какое-то время обретают душевный покой; Персефона – в доме матери, а Аид – утешаясь в объятиях других нимф, хотя и не так безмятежно, как прежде с Мятой. Даже самая радость соития всегда несёт с собой осязаемый оттенок печали – никогда не забыть ему прекрасной и свежей, как горный ручей, нимфы, жестоко поплатившейся за свою бескорыстную любовь к Аиду.

III

Муж, заподозрив жену в неверности, нанял частного сыщика для слежки за ней.

Вскоре тот докладывает ему о результатах:

– Ваша жена встретила с мужчиной на городской площади, они сели в машину и поехали на вашу дачу. Вошли в дом, сели за стол, выпили вина, разделись догола. Потом они погасили свет, и больше я ничего не видел.

Муж, в отчаянии:

– Проклятая неизвестность! Проклятая неизвестность!

Старый анекдот

В тот достопамятный день мы с Аллой по традиции встречались на «нейтральной территории» – за маленьким угловым столиком в кофейне «Восточный экспресс», где стилизованно воспроизведена атмосфера роскошного железнодорожного вагона-ресторана начала двадцатого века, включая занавесочки, панели из морёного дуба, обилие зеркал и даже мягко освещённое пространство для особо важных посетителей, условно разделённое по одной из сторон зала невысокими перегородками на некоторые подобия железнодорожных купе с бутфорскими «стоп-кранами» для вызова официантов. Посуда и обслуживание тоже под стать. Ничего новомодного – фундаментальные столовые приборы, чай в подстаканниках, кофе, который вам приносят на мельхиоровом подносе прямо в закопчённой джезве. Словом, солидно и мрачновато, к тому же недёшево, при этом еда в «Экспрессе» добротная, но вполне ordinaria. Мне, честно говоря, не так уж и нравится вся эта железнодорожная мишура, зато Алла от неё в восторге. Но главное достоинство заведения для нас не в этом, а в очень удачном расположении – в двух шагах от больницы скорой помощи, где я подрабатываю на полставки, и как раз с тыльной стороны комитета по образованию. Алле нравится ещё и то, что здесь она почти не рискует столкнуться с сослуживцами. Те, несмотря на близость заведения, в «Экспресс» не ходят, поскольку рядовым госбюджетным сотрудникам обедать здесь не по карману, а у тех, кто получает вознаграждение «борзыми щенками», видимо, имеются свои места для тусовки. Что побуждало Аллу старательно избегать встреч со знакомыми во время наших свиданий, мне никогда не было вполне ясно, хотя она и делала какие-то туманные и неправдоподобные намёки насчёт якобы сплетен на работе. Теперь всё, конечно, приобрело несколько другой смысл – но, впрочем, я и сейчас ни в чём не уверен. Во всяком случае, если раньше я не исключал, что она вела бы себя иначе, будь я в правильном «прикиде», то теперь у меня появились сомнения по этому поводу. Может быть, дело совсем и не в манишках. Кстати, сама Алла привычно не считается ни с расходами, ни с чисто физическими страданиями, когда на карту поставлен вопрос о том, как она будет выглядеть. За время нашего общения я уже поднаторел в особенностях кутюра и теперь могу чисто на глазок, по одному только внешнему виду, определять, например, индекс мучительности новой пары обуви. Вообще, у меня есть подозрение, что вопросами женской моды изысканного дизайнера занимаются, главным образом, отставные мастера пыточных дел.

Отмечу, что и завсегдатаем этого пункта общепита я стал достаточно случайно, и тоже не без участия Аллы. Просто как-то раз, ещё в стадии начального ухаживания, я предложил ей вместе поужинать. Первоначально мы направлялись совсем в другое место, но совершенно неожиданно, прямо напротив входа в этот самый «Экспресс», столкнулись с их администратором по имени Артур, и как раз в ту минуту, когда тот спешил к началу своей смены. С этим хлыщеватым молодым человеком я был шапочно знаком ещё со времени моего предыдущего и до той поры единственного посещения вагона-ресторана прошлой осенью, когда по

срочному вызову скорой откачивал Артура после анафилактического шока. В тот раз – как он впоследствии объяснил – ему не удалось устроить мне достойный приём по причине слабости организма. Зато теперь, несмотря на то, что прошло уже несколько месяцев, Артур, профессионально опознав меня в толпе, так радушно и искренне раскрыл руки для объятий, что избежать выражения благодарности было решительно невозможно. Правда, от объятий я ускользнул, ограничившись крепким рукопожатием, но символически отобедать с Артуром нам всё-таки пришлось, потому что он крепко схватил меня за рукав и не отпускал, пока не затащил прямо в купе для избранных посетителей. Впрочем, администратор был достаточно чутким человеком и не стал долго докучать – поднял тост за своего «спасителя» и умчался исполнять прямые служебные обязанности. На Аллу Артур произвёл самое благоприятное впечатление, а вот мой отказ приходить сюда обедать «за счёт заведения», как выразился администратор, вызвал у неё поток упреков. Динамика упреков в отношениях с девушкой на временной оси – отдельная тема, и очень интересная. С Аллой это происходило так: в самом начале её выговоры были робкими и относительно тактичными, затем, когда она уже вполне освоилась со мной, – резкими и продолжительными, а в последнее время стали более грубыми, но одновременно и более короткими. Видимо, сказался накопившийся отрицательный опыт и понимание того, что если в упреках и есть какая-то польза для Аллы, то лишь сугубо в смысле эмоциональной разрядки. Но в описываемый мною момент она всё ещё пыталась действовать методом мягкого убеждения, поэтому наш диалог подзатынулся. Главное, Аллочка никак не могла понять причины моего упрямства.

– Подумаешь! Что тут такого? Ты ему жизнь спас, а тут – какая-то мелочь!

– Не то чтобы «спас», просто продлил немного.

– Как это?

– Не стал же он от моего лечения бессмертным! – пытался я отшутиться.

– Ну и что? Ты какую-то ерунду говоришь! А здесь так мило. Мы могли бы приходить сюда обедать по вторникам – у тебя смена в «скорой» как раз в двенадцать заканчивается.

– Мы и так можем сюда приходить, если хочешь. Ну, предположим, не обедать, – сделал я осторожную поправку, вспомнив астрономические цены в ресторанном меню, которое я всё же полистал из любопытства, – а, скажем, выпить кофе. Кофе здесь вполне приличный.

– Не понимаю, что здесь такого, если мы время от времени будем пользоваться гостеприимством твоего друга.

– Он мне не друг, а быть в долгу я не люблю.

– А он сказал – друг! К тому же, это не из его кармана. А если бы и из его – видел, какие у него «Картье»? Тысячи на три тянут. Не обеднел бы!

Несмотря на то, что меня коробит пересчитывание денег в чужих карманах, Алла любит щегольнуть информированностью во всём том, что касается всевозможных модных понтов. Я ей намекал, что подобную осведомлённость в порядочном обществе лучше не выставять напоказ, поскольку, как известно, ничто так не выдаёт в человеке плебейскую сущность, как умение разбираться в дорогих марках часов, автомобилей и пиджаков. Но ей – как с гуся вода. Сдержанное достоинство – не её стихия. Скорее наоборот, она видит в сдержанности и скромности некоторую ущербность, причём, даже не без психологической подоплёки. Алла не может понять, как, например, можно не хотеть иметь те же «Картье». Она ещё может допустить, что кто-то может *говорить*, что «не хочет» иметь «Картье» по принципу «зелен виноград». То есть не могу себе позволить такой покупки – вот и говорю, что они мне не нужны. Но чтобы просто так, без причины, *не хотеть* – это уж совсем невероятно, для этого, как минимум, нужно быть «странным» в её классификации. Меня она после первого периода недоверчивого освидетельствования – не притворяюсь ли? – всё же причислила к этой категории и даже открыто говорит: «Саша, ты странный». Что, впрочем, не мешает ей ко мне хорошо относиться, видимо, такая разновидность странности не считается у неё опасной – это скорее что-то вроде стран-

ности деревенского дурачка, нежели странности какого-нибудь там злостного маньяка. Тем не менее, в тот раз Алла меня так и не поняла, обиженно надула губки. Пришлось пуститься в объяснения:

– Слушай! Ты же не маленькая! Как знать, чем всё это может закончиться? Смотри, какая здесь публика. Вот так походишь-походишь в ресторан на халяву, а потом тебя ещё куда-то позовут, но уже в профессиональном качестве, как врача. Полечить какого-нибудь пациента, у которого головная боль от огнестрельной дырки над правым ухом.

– Ну и что здесь такого? Даже если и так? Зато заплатили бы наверняка по-царски.

С размахом «царской оплаты» я знаком не понаслышке, потому что прошлой весной одного моего бывшего коллегу, известного тем, что он оказывал частные медицинские услуги «браткам», выловили из местного водоёма изрядно потраченным раками и прочей пресноводной фауной. Впрочем, об этом я рассказывать не стал, а ограничился констатацией личных мотивов:

– Может быть, может быть... Но вот так один раз, потом другой – и не заметишь, как окажется, что ты плотно сидишь у них на крючке. Нет уж, спасибо! Кроме того, даже если подобных предложений и не будет – ты же знаешь, что я не люблю одалживаться.

Пришлось Алле волей-неволей привыкать к мысли, что переубедить меня ей не удастся. Это заняло у неё немало времени, но к концу нашей трапезы она, похоже, «оттаяла». Во всяком случае, когда, уже у выхода, она заметила в самом углу кафе неприметный маленький столик, то вновь вернулась к моему предложению, несмотря на то, что всего лишь четверть часа назад отвергла его с негодованием:

– Хорошо! Тогда каждый вторник мы будем встречаться здесь ровно в двенадцать и пить кофе. Вон за тем столом! Ты хотя бы можешь договориться, чтобы это место по вторникам оставляли для нас?

Это я мог. Тем более что столик стоял немного на отшибе – не так близко от ряда «купе» и в то же время в некотором отдалении от стойки бара. Да ещё и чуть ли не в самой светлой части помещения, потому что прямо над столиком сходились два часто застеклённых окна фасадной части кафе. Окна были с тонким деревянным переплётом и напомнили мне веранду старой дедушкиной дачи. Этот уголок казался уютным, а если сесть спиной к стене, то и обзор из него открывался хороший – оттуда можно было видеть не только большую часть зала, но и кусочек городской площади, где в полдень буднего дня всегда оживлённо, многолюдно и не скучно.

Вот за этим-то столиком Алла и приоткрыла мне свою тайну, пока мы ждали кофе. Сначала она нервно курила, видимо, не решаясь на разговор, но потом начала довольно резко и даже агрессивно:

– Мне нужно тебе кое-что сказать. Только давай сразу договоримся: не надо меня воспитывать!

IV

Ревность на службе государства

Справка

«Леонид Васильевич Николаев (1904 – 29 декабря 1934) – убийца Сергея Мироновича Кирова. Член коммунистической партии, работал в Ленинграде инструктором историко-партийной комиссии Института истории ВКП(б). 1 декабря 1934 года застрелил Кирова в Смольном, что стало предвестием начала массовых репрессий. Расстрелян. До сих пор не реабилитирован, несмотря на очевидную сфабрикованность следственных материалов против него».

Всякие попытки придать делу Николаева характер заказного убийства, а самого его выставить в виде то секретного сотрудника карательных органов, то невинной жертвы режима и чуть ли не героя, конечно, неоправданны и даже смехотворны. Проблема, однако, заключается в том, что для обывательского мнения, не слишком осведомлённого и не привыкшего опираться на твёрдые факты, зато весьма эмоционального, судебный процесс, вынесший убийце смертельный приговор, и в самом деле выглядит как заранее тщательно спланированная оперативная разработка, особенно в свете массовых разоблачений конца двадцатого века. Тем не менее, при всей скандальной привлекательности, версия убийства по заданию НКВД или даже по указанию самого Сталина не соответствует действительности. Далёкий от политики бытовой конфликт всего лишь совпал с интересами комиссариата внутренних дел – впрочем, совпал весьма удачно и даже подсказал спецслужбам пути решения важнейших стратегических задач.

Прежде чем обращаться непосредственно к материалам дела, следует принять во внимание семейные обстоятельства и характер Кирова. Мария Маркус, жена народного трибуна, была больной, бесплодной женщиной, перенёсшей несколько инсультов, поэтому можно с достаточной степенью достоверности предположить, что с середины двадцатых годов она не вступала с мужем в половые отношения. Имело это обстоятельство решающее значение или нет, судить трудно, однако известно, что Сергей Миронович, любимец Сталина, партии и народа и большой донжуан, не скрываясь, а порою даже демонстративно заводил многочисленные романы. По свидетельству современников, он был особенно неравнодушен к балеринам – Ленинградский театр оперы и балета не зря долгое время носил его имя, хотя, бывая в столичных командировках, Сергей Миронович не обходил своим вниманием и Большой театр. Не одна и не две Терпсихоры прошли через постель Кирова. Тут побывали и донна Анна, и Жизель, и солистки, и кордебалет, что же касается лебедей, то их никто не удосуживался считать. Как истинный сын трудящихся, чуждый сословных предрассудков, не чурался Киров и менее возвышенных созданий, в частности, из числа тех, что были заняты в сфере обслуживания Ленинградского обкома партии. И вышло так, что милее, чем утончённые женщины артистического круга, для него стала скромная официантка, работавшая при секретариате в Смольном, впрочем, не исключено, что ему просто приелись худосочные балерины. Киров впервые увидел пышнотелую рыжеволосую красавицу Мильду Драуле в конце двадцатых годов. Он влюбился немедленно и без оглядки и пронёс свою неистовую страсть к Мильде до самой смерти. Ко времени знакомства Драуле уже несколько лет была замужем за Леонидом Николаевым, но Кирова никогда не останавливали такие мелочи, как семейное положение нравившихся ему женщин. В 1930 году Мильда и Киров вместе отдыхали в санатории ВЦИК, и ровно через 9 месяцев у четы Николаевых рождается сын, по воспоминаниям современников, очень похожий на Кирова. Чтобы пресечь сплетни, начавшие циркулировать в Смольном по поводу

ребёнка, родившегося в результате связи первого секретаря с замужней женщиной, Кирову пришлось позаботиться о новом месте работы для Драуле. Летом 1933 года она перешла в управление уполномоченного наркомата тяжёлой промышленности, а в ноябре заняла там привилегированную «номенклатурную» должность инспектора по кадрам с окладом 275 рублей, то есть стала получать больше мужа. Догадывался ли о чём-нибудь Николаев? Скорее всего, да, но до поры до времени терпел измены своей жены со всемогущим первым секретарём обкома Ленинграда и даже не брезговал принимать его покровительство. Так, когда Николаев, отличавшийся исключительно неуживчивым характером и неоднократно писавший в газеты кляузы на своё начальство, был исключён из партии «за создание склоки через печать», он не побрезговал через жену обратиться к Кирову за помощью, и тот содействовал его восстановлению в партии и устройству на работу в райком. В августе 1932 года не без помощи Кирова Николаев становится инспектором «Ленинградской контрольной комиссии» – органа партийной «Рабоче-Крестьянской инспекции», а в октябре 1933 года его зачислили «инструктором истпарткомиссии» в Институт истории ВКП(б). Однако в апреле 1934 года Николаева опять увольняют. Добиваясь восстановления в Институте истории ВКП(б), где на непёстрой должности инструктора ему шла не только приличная зарплата, но и полагались привилегии в «снабжении», он пишет буквально десятки жалоб в различные инстанции. «Вот уже четвёртый месяц сижу без работы и без снабжения», – жалуется Николаев в письме на имя Кирова, датированном июлем 1934 года. Письмо, тем не менее, остаётся без ответа, потому что к тому моменту Мильда уже твёрдо решила подать на развод и сообщила об этом как своему мужу, так и Кирову. Оставшись отныне без всякой поддержки, Николаев выходит на тропу войны. Видимо, уже тогда Николаев был под наблюдением органов НКВД, которые не только ничего не сделали для предотвращения убийства Кирова, но и способствовали осуществлению этого плана. Когда вооружённого Николаева, подозрительно интригавшего возле резиденции Кирова, задержала охрана (это произошло 15 октября 1934 года), он был отпущен по распоряжению никого иного, как первого заместителя начальника УНКВД СССР по Ленинградской области Ивана Васильевича Запорожца. Несмотря на то, что Николаев не смог объяснить охране, зачем он шатался под окнами дома Кирова с револьвером в кармане, изъятый при задержании ствол был также возвращён владельцу, поскольку Николаев, как, впрочем, и многие другие члены партии и комсомольские работники, имел разрешение на ношение оружия. Разрешение было выдано будущему убийце Кирова органами внутренних дел ещё в 1924 году и вновь подтверждено в 1930-м. Таким образом, несмотря на небольшую отсрочку, уже через полтора месяца ревнивый муж смог осуществить свой замысел. Официальная версия КПСС безапелляционно гласит, что Киров стал жертвой заговора: «1 декабря 1934 года в Ленинграде, в Смольном, был убит член Президиума ЦИК СССР, член Политбюро и секретарь ЦК ВКП (б), секретарь Ленинградского обкома и горкома партии Сергей Миронович Киров. В этот день Киров выехал из своей квартиры в доме № 26/28 по улице Красных Зорь (сегодня это Каменноостровский проспект) и около 16:30 прибыл в Смольный. По центральной лестнице поднялся на третий этаж, миновал основной коридор и начал движение по левому коридору в сторону своего кабинета. В это время Киров был убит выстрелом из револьвера в затылок. На месте преступления задержали убийцу – Леонида Васильевича Николаева, у которого обнаружили револьвер системы наган образца 1895 года № 24778 выпуска 1912 года с пятью патронами, двумя стреляными гильзами в барабане и портфель с документами. В ходе следствия, кроме Николаева, по данному делу были арестованы и преданы суду ещё 13 человек. 29 декабря 1934 года Военная коллегия Верховного суда СССР признала, что убийство Кирова было совершено подпольной террористической зинovieвской организацией, возглавляемой так называемым «Ленинградским центром». Все 14 подсудимых были приговорены к расстрелу». В многотомной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» (том 4, кн. 2) под редакцией П. Н. Поспелова и в учебнике «История Коммунистической партии» под редакцией

Б. Н. Пономарёва говорилось следующее: «Душегубство С. М. Кирова – акт политического террора». «Задержанный на месте преступления убийца ненавидел партию и её руководящих деятелей. Органы правосудия вынесли убийце строгий, правильный приговор».

Следует отметить, что поначалу следствие было менее единодушным. Уже в полночь первого дня следствия обозначились три возможные версии, объяснявшие причины трагического преступления. Первая – убийство на почве ревности, что фактически подтверждал и допрос Мильды ровно через пятнадцать минут после убийства Кирова. Вторая версия – «германский след». Неожиданно всплыла связь Николаева с германским консульством. Обратить же внимание на такие, более чем непонятные, отношения с этим учреждением заставило следующее. Оказалось, что Николаев летом и осенью неоднократно посещал германское консульство, после чего всякий раз направлялся в магазин Торгсина, где покупки оплачивал дойчмарками. Однако вечером 4 декабря направленность следствия резко изменилась. Агентурным путём – от подсаженного в камеру к Николаеву осведомителя – следователи получили фамилии людей, с которыми обвиняемый более десяти лет назад работал в Выборгском райкоме комсомола и которые впоследствии превратились в «сторонников» Троцкого либо Зиновьева. Основной, а затем и единственной стала версия политического убийства. 16 декабря Зиновьева арестовали вместе с ещё одним бывшим членом политбюро – Каменевым. На следующий день в передовице газеты «Правда» появилось объяснение причин: «Гнусные, коварные агенты классового врага, подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы вырвали из наших рядов товарища Кирова». Ещё через пять дней обвинение против бывшего руководителя Коминтерна, который перед революцией вместе с Лениным скрывался в шалаше в Разливе, конкретизировали. «Мотивами убийства товарища Кирова, – указывалось в сообщении «В Народном комиссариате внутренних дел», – явилось стремление добиться таким путём изменения нашей политики в духе так называемой зиновьевско-троцкистской платформы». Так завершилась переквалификация бытового преступления в политическое. Сталин умело использовал убийство Кирова в собственных целях. Разумеется, лидер питерских коммунистов не мог погибнуть от руки мужа любовницы, его могли убить только злые враги. Убийство Кирова дало Сталину возможность провести чистку партии и руководства государственных органов от октябрьского поколения большевиков и окончательно укрепить режим личной власти.

Интерес к обстоятельствам убийства Кирова не угасал на протяжении многих десятилетий. На XXII съезде партии Н. С. Хрущёв высказал версию о загадочности обстоятельств убийства Сергея Мироновича и сделал достаточно прозрачный намёк на сталинский след подготовки покушения. Перья историков заскрипели. Появился целый пласт литературы о злодейском заговоре Сталина, который, впрочем, резко сократился в брежневскую эпоху, когда в стране были приостановлены практически все публикации о преступлениях Сталина. С приходом перестройки запрет был снят. В романе А. Рыбакова «Дети Арбата» Кирову и подготовке его убийства вновь уделено немало внимания. Следует заметить, что, вопреки разным политическим целям, Сталин, а за ним Хрущёв и Горбачёв, исходя из своих собственных интересов, единодушно пытались сохранить репутацию Кирова как рыцаря без страха и упрёка. Тем не менее, сохранившиеся с 1934 года протоколы первоначального расследования, а также более поздние данные судебно-медицинской экспертизы убедительно доказывают версию именно бытового убийства, причём совершённого при достаточно скандальных обстоятельствах. Прежде всего укажем на нестыковки официального заключения с убедительно установленными и задокументированными фактами. Выстрелы в Смольном прозвучали в 16:30. Ровно через пятнадцать минут в доме № 4 по Литейному проспекту – в Управлении НКВД по Ленинграду и области – начальник четвёртого отделения секретно-политического отдела Коган начал допрос Мильды Драуле. Четверть часа – это как раз то время, за которое можно спуститься с третьего или второго этажа Смольного, сесть в машину и проехать, практи-

чески по прямой, по Шпалерной до Литейного, что свидетельствует о том, что Драуле во время убийства находилась именно в Смольном, где она в то время уже не работала. Когда Мильду доставили в ОГПУ, на ней были только пальто и туфли. Это косвенно доказывает, что в момент убийства она была совершенно голой. В соответствии с протоколом допроса одного из телохранителей Сергея Мироновича, убийство случилось не в коридоре Смольного, как принято считать, а в кабинете Кирова. Охрана не сразу смогла открыть дверь кабинета после выстрела: она была подперта телами убитого Кирова и упавшего в обморок Николаева. Пулевое отверстие в околыше фуражки Кирова, приобщённой к делу, не соответствовало пулевому отверстию в его черепе. Кроме того, головной убор был прострелен уже позже, из нагана, который не принадлежал Николаеву, – пуля имела мельхиоровую оболочку. Это доказывает факт «подгонки» доказательной базы под «коридорную» версию политического убийства, согласно которой Киров был застрелен, когда находился в вертикальном положении. На самом же деле, роковой выстрел был произведён не сбоку, как это должно было быть, если придерживаться официального заключения, а сверху. Поскольку Леонид Николаев отличался очень низким ростом, отверстие от пули в черепе Кирова предполагает только один вариант. Сергей Миронович прошёл к себе в кабинет в сопровождении начальника охраны Борисова. Тот, проводив его лишь до дверей, отправился в помещение для отдыха охранников. Он наверняка знал, что давняя любовница Кирова уже ждала его в кабинете. Знал об этом и Николаев, который следил за женой и видел, как Мильда вошла в комнату Кирова. Убийца выждал какое-то время, затем ворвался внутрь и, застав парочку в процессе соития, потерял голову и, будучи в состоянии аффекта, застрелил Кирова на месте. Трассологическая экспертиза показала, что Киров в момент выстрела находился, скорее всего, в горизонтальном положении, с лицом, обращённым вниз. Какова бы ни была его поза, он, во всяком случае, вряд ли стоял, выпрямившись во весь рост, иначе траектория пули в черепе была бы совсем иной.

Сталин обладал своеобразным чувством юмора, поэтому банальное бытовое убийство из ревности сыграло роль детонатора политических репрессий, которые вошли в историю под названием «большой террор». «Месть» Сталина за любимца партии была ужасна. Основного свидетеля, начальника охраны Борисова, который мог бы поставить под сомнение выводы следственной группы, ликвидировали ещё в процессе дознания. Против Николаева и его знакомых НКВД был сфабрикован процесс по участию в подпольной зиновьевской организации, возглавляемой неким «ленинградским центром». Менее чем через месяц (29 декабря) Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Николаева к смертной казни, и он был немедленно расстрелян. Его жену Мильду Драуле сначала исключили из партии, а позже, 10 марта 1935 года, она была также расстреляна. Дети Мильды исчезли. Скорее всего, им сменили документы и отправили в детский дом. Вся семья Николаева и мать Мильды Драуле были расстреляны через два или три месяца после покушения. Невинные жертвы произвола, они не были реабилитированы до 1991 года, когда их дело появилось на страницах советской прессы. Общее число репрессированных после убийства Кирова составило 267 тысяч в 1935 и 275 тысяч в 1936 году, что превысило даже рекордные до тех пор показатели периода насильственной коллективизации.

V

Ревнивый муж в бешенстве вбегает в дом:

– Лена, я всё знаю!!!

– Сейчас проверим. Какова длина Дуная?

Автор неизвестен

Честно говоря, я ждал, что Алла заговорит о какой-нибудь неприятности с того самого момента, как мы встретились: уж больно решительный и даже воинственный был у неё вид. Для изучения мимики небезразличного вам человека требуется не так уж много времени, что бы там ни утверждали психологи, а мы с Аллой общались достаточно долго. Тем более что, скажем откровенно, не с её лицом садиться за преферанс. Игра эмоций проступает у неё в чертах мгновенно и ярко, независимо от окрашенности заряда. На этот раз заряд был явно негативный, с примесью истеричности. Движения рук тоже выдавали беспокойство. В начале нашего знакомства я несколько раз в подобных ситуациях, едва лишь начиная ощущать атмосферу напряжения, пытался задавать Алле участливые вопросы, с тем чтобы её успокоить или хотя бы отвлечь, но со временем на опыте убедился, что проявление тревожной заботы только подстёгивает приступы гнева. Самое лучшее – с выражением преданности и бесконечного терпения вглядываться ей в глаза. Грозы и тогда не избежать, но в последнем случае это, по крайней мере, всего лишь гроза, а не какой-нибудь смерч или тайфун. Наверное, почти каждый мужчина бывал хотя бы раз растерян, получая от женщины отчёт о некой возникшей у неё проблеме. Иногда проблема имеет к вам хоть какое-то отношение, пусть даже весьма отдалённое, иногда и вовсе не имеет никакого. Вне зависимости от этого, суетиться не нужно, здесь главное – подавить в себе импульс типичной маскулинной реакции. Не нужно идти на поводу у инстинкта: немедленно искать приемлемое решение и приступать к спасательным функциям, причём тем экстреннее, чем напряжённей конфликтный фон разговора. Не исключено, что это вовсе не то, что от вас требуется. Возможно, всё, что действительно нужно в такой момент – лишь небольшая демонстрация моральной поддержки. Но не прельщайтесь кажущейся простотой задачи. По ходу действия нужно быть готовым к динамичной смене декораций. Например, если вы предполагаете, что наилучшая политика – выражение безоговорочного согласия, то это может завести беседу в эмоциональный тупик. Не исключено, что в силу обстоятельств ваша подруга не имела возможности выплеснуть свою агрессию в реальных условиях – например, получая несправедливый, по её мнению, нагоняй от сурового шефа, – а такой недалёковидный вариант вашей поддержки только блокирует моральную разрядку. Тут, напротив, следует «подставиться», отшутившись или же выставив какие-нибудь возражения. Только не слишком состоятельные – чтобы дать подруге возможность наголову разбить глупые тезисы и получить моральную компенсацию за ваш счёт. Не любите быть «мальчиком для битья»? Ну что ж, это дело вкуса. Я, например, считаю, что пять минут мнимого унижения – не слишком большая плата за последующий более-менее приятный и мирный вечер. А в случае с Аллой – ещё и расцветенный половыми излишествами. На сей раз, однако, интуиция меня очень подвела – вот вам наглядный пример динамичной смены декораций. Да и моё унижение оказалось далеко не мнимым, хотя проистекало из предыстории, выходящей далеко за рамки текущего момента. Как бы то ни было, но, когда я брал её руку в свои, чтобы через стол поцеловать кончики холодных пальцев, ещё ничто не предвещало грядущих потрясений. Тут-то она и выдала:

– В общем, так... Меня шантажируют.

Это было настолько не про нас, что я в первый момент подумал, будто Алла меня разыгрывает.

– Понятно, – ответил я ей в тон, понизив голос и придав ему таинственности. – Дай угадаю. Ты сообщниками ограбила банк, а затем анонимно сдала их. Сама тем временем забрала все деньги из тайника, изменила внешность и укрылась в Энске под другой фамилией. Но главарь вышел из тюрьмы, нашёл тебя и теперь грозит разоблачением, если ты не поделишься. Правильно?

– Боже, какой идиот!

– Возможно, ты к нему слишком строга.

– Чего? – не поняла Алла.

– Возможно, он не такой идиот, каким кажется.

– Ты, правда, не понимаешь, что мне не до шуток? Меня шантажируют.

– Где это ты так отличилась? Чем, интересно, тебя вообще можно шантажировать? Планами внеклассной работы за первое полугодие?

– Чем? Всего лишь домашней порнушкой.

Тут уж пришла моя очередь взволноваться и даже приоткрыть рот. Не в силах сохранять невозмутимость, я, кажется, только и смог проблеять в ответ, всё ещё пытаюсь придать разговору иронический оттенок:

– Ты что у нас, ещё и порнозвезда, в дополнение ко всем своим прочим талантам?

Но тут же осёкся, потому что Алла, закусив нижнюю губу, стала пристально рассматривать свои ногти. Это было верным признаком, что она собирается плакать. Лицо её стало серьёзным и бледным – очевидно, моей подруге было действительно не до шуток. Как-то вдруг и мне стало не до шуток, причём в глубине сознания я уже непроизвольно искал оправдательные мотивы. Первая любовь. Он и она. Безграничное доверие и непреодолимая страсть. А теперь оказалось, что возлюбленный, которому девушка легкомысленно вручила свою честь, оказался подонком. Не слишком оригинальный сюжет, пожалуй, даже тривиальный. Но, как выяснилось позже, этот вариант фабулы оказался не только избитым, но и весьма далёким от истины – Алла очень быстро лишила меня иллюзий и устранила всякие сомнения.

– Ну и что мне теперь делать? – спросила она после того, как закончила свой рассказ.

– Я не знаю... Мне нужно это как-то переварить.

– Тогда вечером?

– Не сегодня. У меня через три часа с небольшим начинается смена. Давай завтра. До завтра же ничего не изменится, правильно?

– Правильно.

Я, и вправду, не знал, что ей посоветовать. А самое главное – мне действительно нужно было всё «переварить». Не в том смысле, что теперь делать ей, а в том, что теперь делать мне самому. Я был, по меньшей мере, озадачен. Это хорошо, что у меня как раз была вечерняя смена, иначе Алла, наверное, приехала бы с работы ко мне в квартиру, а я не имел понятия, как мне следует себя с ней вести. В тот день я не был уверен, что смогу хотя бы дотронуться до неё.

VI

Следственным отделом по Мичуринскому району г. Коврина 16 декабря 2005 года возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105, ч. 3 ст. 30 п., а ч. 2 ст. 105 УК РФ, по факту убийства 44-летней Галины Кравченко и покушения на убийство 20-летней Анны Петровой.

Следствием установлено у что убитая Галина Кравченко являлась матерью 22-летнего Сергея Кравченко и свекровью Анны Петровой, которые проживали в её квартире в пос. Железнодорожный г. Коврина. Вечером 16 декабря 2005 года Сергей Кравченко на почве ревности нанёс своей жене множественные удары ножом. При этом Галина Кравченко попыталась пресечь его действия и зацтитить невестку, в связи с чем сын нанёс удары ножом также и матери. От полученных ранений Галина Кравченко скончалась на месте. Однако гибель Анны Петровой удалось предотвратить вследствие своевременно оказанной медицинской помощи прибывшими врачами, которых вызвали соседи.

Установлено, что незадолго до совершения преступления Сергей Кравченко подготовил записку, в которой указал, что намерен убить жену и всех её любовников.

В настоящее время подозреваемый задержан. Рассматривается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. По уголовному делу проводятся необходимые следственные действия, направленные на установление всех обстоятельств совершенного преступления. Предварительное расследование продолжается.

Криминальные сводки, 17 декабря 2005 года

VII

Любовник замужней женщины возмущается:

– Всё, довольно, сыт по горло! Вечно быть второй скрипкой!

– Скажи спасибо, что ты вообще в оркестре!

Автор неизвестен

Алла приехала ко мне вечером следующего дня, когда я уже морально подготовился к тому, чтобы навсегда с ней расстаться. Прошло почти тридцать часов с того момента, когда мне стали известны некоторые подробности об аспектах её интимной жизни – причём такие, о которых лучше было бы вовсе не знать. Дозвонись я накануне чуть раньше Оле Норкиной, мои сомнения наверняка перешли бы в твёрдую решимость. И не пришлось бы мне тогда становиться свидетелем и в какой-то степени даже участником последующих событий. Задним числом следует признать, что это, вероятно, было бы лучше всего. Ольга умна, наблюдательна и мастерица по части точных характеристик. Самое противное то, что её характеристики трудноопровержимы, потому что, объективно говоря, справедливы. Хотя радости от подобной справедливости мало. Вот знаете, как это иной раз бывает в отношении людей, которые нам нравятся? Порой мы сами, без посторонней указки, видим или хотя бы подозреваем в них отдельные дефекты, однако подсознательно стараемся «отретушировать» любимые образы – по крайней мере, пока какой-нибудь досадный случай не обнажит истину в самом неприглядном свете. Норка отравила не одно моё увлечение, потому что обладает талантом, не высказывая ничего резкого или ядовитого по форме, обращать внимание как раз на те детали, которые я предпочёл бы не заметить. Причём либо талант её избирателен, либо Норка уверена, что старая дружба предполагает особые права, однако с другими она не обнаруживает этой своей склонности в той же мере. Но уж со мной ей не приходит в голову церемониться. И хотя ни одна из близких мне женщин не пользовалась у Норки особым расположением, моей бывшей жене, единственной из всех, Оля всё же снисходительно давала какие-то поблажки. Во всяком случае, до моего развода – потом-то она, само собой, высказала то, что думала о Нине, предельно откровенно и даже ненормативно. Возможно, изначальная сдержанность объяснялась тем, что в период ухаживания и последующей женитьбы на Нине я ещё учился в Оренбургском институте и для Норки был вне зоны досягаемости. А после нашего с Ниной переезда в мои родные места Ольга, пожалуй, могла считать ситуацию безнадежно запущенной – что толку махать кулаками после драки? Но что касается Аллы, то та уж точно никаким дипломатическим иммунитетом никогда не обладала. При том, что я пытался безжалостно пресекать, на первый взгляд, столь же невинные, сколь и иезуитские по сути Ольгины инсинуации, ей удавалось успешно донести до моего сведения всё, что она хотела. Причём дело, конечно же, не касалось явных изъянов – Норкина достаточно хорошо меня знает, чтобы быть уверенной в том, что они и так не прошли мимо моего внимания. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы заметить в характере Аллы такую черту, как вздорность. А что касается упрямства, то, даже не будучи выдающимся физиономистом, достаточно один раз посмотреть на её лицо. Нет, Норка, конечно, привычно копала глубже, так что даже и те личные особенности Аллы, которые мне импонировали при первых встречах, выворачивались своей изнанкой: изысканность – снобизмом, жизнелюбие – эгоистичностью и полной неразборчивостью в средствах, когда дело так или иначе касалось карьерного роста, а природный оптимизм – неспособностью к состраданию. Конечно, некоторую роль здесь сыграло и то обстоятельство, что Алла, едва познакомившись с Ольгой, тут же сцепилась с ней, когда я имел глупость свести их вместе на служебной маёвке. А первые впечатления, как известно, наиболее яркие. Правда, в данном случае они были не самыми первыми, но тем не менее. Это был всего лишь второй раз, когда она видела Аллу,

не считая того случая, когда неожиданно приехала ко мне домой в момент романтического свидания.

Конечно, если исходить из предыстории, то выезды на природу в составе нашего больничного отделения – традиционная территория Норки, и, пожалуй, я поступил бы умнее, выдержавшись от появления на маёвке в сопровождении Аллы. Дело в том, что бок о бок со мной, в той же больнице, работает ещё один наш общий соученик, Вадим Большаков, чей выпуск по времени пришёлся как раз между моим и Олиным. Таким образом, втроём мы представляем собою живой ряд преемственности Мичуринской средней школы. Как раз Вадим и положил начало этой традиции, пригласив Норкину на маёвку ещё четыре года назад, и она как-то очень органично «вписалась» в компанию моих коллег, причём при нашем с Вадиком минимальном участии. Впрочем, это не так уж удивительно. Так сложилось, что, хотя состав работников в отделении разбит примерно поровну между полами, среди женщин почему-то сплошь преобладают ветераны труда. Трудно представить, как выглядели бы эти выезды на природу, если бы и наши «бабушки» дружно принимали в них участие, но все они, не считая давным-давно разведённой и одинокой Флюры Муминовой да двух-трёх санитарок, предпочитают проводить праздники дома, в окружении детей и внуков. Кстати, до своего развода я и сам не был завсегдатаем производственных гулянок, так что я их понимаю. Как бы то ни было, но с тех пор Ольга всегда ездила на маёвки вместе с нами, за исключением прошлого года. Но и то – лишь оттого, что буквально накануне была поставлена всё тем же Вадиком и примерно в той же компании в двусмысленное положение, а вовсе не потому, что не получила приглашения. Если мои отношения с Олей можно определить как близкую дружбу с элементами матриархата, то у Вадика к Норкиной – как он доверительно сообщил мне давным-давно, правда, туманно и в иных словах, – неувядающее чувство безответной любви, выражаемое, впрочем, столь робко, что его вполне можно принять за простую предупредительность галантного кавалера. Именно так Норка и считала до поры до времени, пока Вадик не напился на собственных именинах и, видимо, от избытка чувств, тут же, в присутствии всех гостей, не объяснился ей в любви – стоя на коленях, как в водевилях прошлого века, и в таких же цветисто-водевильных выражениях. Я нашёл эту сцену одновременно и смешной, и пронзительно печальной, но плохо скрываемая улыбка не пошла мне на пользу, потому что Норка вдруг неизвестно отчего расплакалась и потом дулась на меня ещё целую неделю, что для неё нехарактерно. Этой загадки я так и не разгадал. И в конце концов списал всё на выпивку, хотя, по правде говоря, в тот вечер никто, кроме Большакова, не проявлял большого радения по части спиртного, а Ольга так и вообще, по-моему, почти не пила.

Как бы то ни было, но когда через два дня после Большаковских именин Норкина не появилась на маёвке, то Вадик, самокритично подвергнув анализу причинно-следственные связи, тут же поехал к ней домой – извиняться и обещать, что подобного безобразия больше не повторится. А такой поступок – уже сам по себе почти подвиг. Оля так же, как и я, живёт на самой окраине города, только, в отличие от меня, не на западной, рабочей, стороне, а на южной, очень живописной, расположенной прямо у излучины реки. Там у Норки имеется в безраздельном владении очень ветхий, но в то же время и очень уютный домик, полученный в наследство после смерти бездетной двоюродной тётки. В любом случае, добираться туда без личного транспорта – долго и непросто. Неизвестно, о чём Большаков с Норкиной говорили в тот день и оценила ли она его беспрецедентный героизм или же он так и остался незамеченным, во всяком случае, недоразумение, по-видимому, было исчерпано.

Наверное, не стоило бы так активно таскать Аллу повсюду за собой, но в тот момент она мне просто безумно нравилась, так что я представлял её своим приятелям чуть ли не с гордостью учёного, переживающего эйфорию только что сделанного им великого открытия. К тому же так получилось, что вся моя жизнь разбивается на три неравных периода, причём первый и второй отделены чисто географически как друг от друга, так и от нынешнего времени. Из

друзей и знакомых своих ранних лет, если не принимать в расчёт коротких поездок в родительский дом во время отпуска, я сейчас вижусь только с Ольгой и Вадиком. А бегство жены оборвало всякую связь со студенческим периодом моей жизни, причём я даже не уверен в том, что хотел бы увидеться с нашими некогда общими друзьями в роли брошенного мужа. Пожалуй, нет. Может быть, когда-нибудь, но, во всяком случае, не теперь. Возможно, это прозвучит глупо, но ныне основная и, как мне кажется, далеко не худшая часть моего круга общения представлена некоторыми из моих коллег. Я у них многому научился и в профессиональном, и просто в человеческом смысле. Они были рядом, когда у меня ещё было маловато опыта и я нуждался в совете, и они же помогли мне пережить тяжёлую тёмную осень четыре года тому назад – один бы я, наверно, не справился. Конечно, больше всех приятелей, даже вместе взятых, мне тогда помогла Норка, но её попечительство я привык ощущать как что-то само собой разумеющееся – иногда немного докучливое, иногда приятное, но совершенно неотвратимое.

Обычно наши отъезды на маёвку происходят от сквера при драматическом театре. Там очень удобное место сбора, а если идёт дождь, то всегда можно укрыться под портиком фойе. В назначенное время специально нанятый автобус доставляет нас на речку и сразу же уходит, возвращаясь только вечером, чтобы развезти всех по домам. Расходы на автобус берёт на себя больница, делая вид, что наш пикник – это выездное производственное совещание. Говорят, что раньше субсидии были более щедрыми и включали все издержки на еду и питьё, но я таких времён уже не застал, хотя раз в год наше начальство вполне могло бы позволить себе разориться.

Мы подошли к скверу одними из первых, сразу вслед за Флюрой, и, насколько я мог судить, представляя Аллу по очереди своим сослуживцам, она произвела на всех приятное впечатление. Рентгенолог Арик Кац, кругленький и лысый, как бильярдный шар, что, в совокупности с полным неуспехом у женщин моложе сорока лет, всё же не мешает ему считать себя неотразимым мужчиной, тут же отгеснил Аллу к периферии нашей гурьбы и начал ей что-то сладко ворковать на ушко. Даже появившаяся одной из последних Норка – и та изобразила на своём лице подобие дружеской улыбки, а это дорогого стоит. Как я уже упоминал, Ольга по освящённой годами привычке смотрит на моих девушек с позиции строгой матери, чей не имеющий себе равных отпрыск априори обречён довольствоваться большим или меньшим мезальянсом. Тем неприятнее мне было от того, как развернулись события чуть позже, когда мы уже вдоволь нарезвились, опорожнили несколько бутылок вина и почти покончили с незамысловатым, но вкусным ужином – что может сравниться с хорошим шашлыком из молодого барашка?

Начало раздору нечаянно положил нервно размахивающий шампуром Вадик, пожаловавшись на то, как его брата с семьёй, на днях приехавшего навестить родителей, больше семи часов продержали на границе. Наличие в машине сердитой жены с орущим трёхлетним ребёнком на руках, и без того заранее напрягшейся в предвкушении табельной встречи со свекровью и свёкром, отнюдь не оздоравливало обстановку ожидания. В довершение всего, когда наглухо рассорившиеся между собой путешественники наконец появились у дверей отеческого дома, мама Вадика с порога начала пенять им, что запечённый по случаю торжества гусь безнадежно пересушен, что она больше не будет ничего разогревать, что их ждали гораздо раньше и что тётя Валя, специально приехавшая из Медвятинского микрорайона «повидаться с Серёженькой», обиделась и уехала домой. На этом месте невестка подхватила дочку на руки и быстрым шагом двинула по улице в направлении автовокзала. Пока Серёжа орал на маму, обвиняя её в отсутствии чуткости и зверином эгоизме, невестки и след простыл. Затем начались поиски беглянок. Подозревая самое худшее, а именно сепаратное убийство, семья Вадика устроила свою первую облаву на автовокзале. После того как выяснилось, что расписание рейсов не давало невестке ни малейшей надежды на скорое расставание с родственниками, было проведено ещё несколько бессмысленных и бессистемных рейдов на машине в различные места культурного

отдыха горожан, включая всевозможные карусели в парке, потому что мама Вадика «не представляла, куда ещё можно повести ребёнка». Вадик нехотя принимал участие в розыскных мероприятиях, хотя и считал это рафинированным идиотизмом, но если бы он вздумал уклоняться, то его тут же заклеили бы как дезертира и ренегата. Он даже успел горячо раскаяться в том, что, по случаю визита брата, поменялся со мной дежурством на работе и поехал к родителям – вместо того чтобы спокойно наслаждаться работой в своём отделении больницы или даже в приёмном покое, да хоть где! В конце концов, когда он уже почти придумал благовидный предлог для срочного возвращения в областной центр, они чуть не наехали на появившуюся непонятно откуда прямо под колёсами невестку. Снова начался обмен взаимными упрёками, в процессе которого выяснилось, что измученная женщина купила себе билет в кинотеатр и вместе с ребёнком легла спать на пустых сиденьях заднего ряда, а сердобольная билетёрша не стала её будить после первого фильма и позволила проспать ещё один сеанс. В заключение вся компания вернулась домой, чтобы дружно съесть пересушенного гуся и снова расстаться до новой радостной встречи.

Вадик рассказывал об этом, нервно смеясь, но на самом деле «пограничная» тема болезненна для очень многих жителей нашего города, которые однажды поутру обнаружили себя живущими в другом государстве по капризу дорвавшихся до власти державного алкоголика со товарищи. В этих широтах огромное число смешанных семей, у той же Норки половина родственников живёт по ту сторону границы. Что касается Вадика, то он у нас настоящий «суржик». Мало того, что он происходит от русско-украинских корней, так вот вам ещё один забавный казус: его русские предки – с Полтавщины, а украинские, наоборот, исторически жили в Воронежской области. Теперь и брат Вадика женат на такой же полукровке, да ещё и с примесью осетинской струи. Хотя районный городок, где мы выросли, и не отличается специфическим диалектом, Вадик даже изъясняется на натуральном суржике – видимо, привычки детства и семейного лексикона глубоко в него въелись, а может быть, у него просто ни разу не возникало ощущения несоответствия. В отличие от нас с Ольгой, он никогда не удалялся на жительство дальше чем на двести километров от места, где тридцать с чем-то лет назад появился на свет, а там суржик – дело хотя и не типичное, но нередкое. Словом, сообщение Большакова получило самый живой отклик – ничего удивительного, что и другие собеседники внесли в обмен мнениями свою скромную, но пылкую лепту о вымогательствах наглых пограничников, тупости правительственных постановлений и подлости властей, обрёкших людей на лишения ради обладания политическим капиталом.

Тут-то и влезла в разговор Алла со своими непрошеными поучениями, да ещё и высказанными таким назидательным тоном, что слушать их было вдвойне противно. Решила настаивать нас на путь истины, а заодно и заступиться за своего земляка, по праву прославившегося неординарными талантами на многих поприщах – от миротворчества до дирижирования.

– Ну и правильно, что границы! Давно пора – пока инородцы всё национальное достояние России не разворовали. Пора русскому народу избавиться от бесполезного бремени и встать с колен!

В первый момент все промолчали, а я, вспыхнув от стыда за Аллу, потупил глаза и мучительно надеялся, что продолжения не будет. Всякий, читающий эти строки, имеет полное основание считать Аллу законченной идиоткой, и у меня нет достаточно обоснованного возражения против такого заключения. Я только могу робко заметить, что не всегда и не во всём. Кое в чём она достаточно сообразительна, кое в чём даже умна, и, вообще говоря, достаточно восприимчива к разумным доводам. Но только не в том, что касается всякого рода этнических вопросов. В этом она тупо нетерпима и излишне эмоциональна; любые апелляции к здравому смыслу здесь бесполезны.

При том что среди присутствующих находились люди с разными политическими взглядами, в одном вопросе почти все они были практически единодушны. Реалии юга России, как

минимум, учат местных обитателей национальной терпимости, иначе здесь просто не выжить. А то, что, скажем, меня передёргивает каждый раз, когда Флюра говорит «в Украине», или то, что Большаков до одури спорит с Ариком по поводу бывшего «олигарха», не так уж и важно. Мы не так уж и непримиримы – мне, например, просто претят любые попытки насильственного уродования языка, и в этом смысле меня точно так же передёргивает, когда Флюра говорит «ложить». Да и между Ариком и Большаковым не такая уж резкая несовместимость взглядов, они оба возмущаются существующим положением дел, только в случае с Ариком это звучит как «Почему он сидит, когда другие на свободе?», а в случае с Большаковым – «Почему другие ещё на свободе, когда этот сидит?». Словом, в нашей компании тоже бывают трения и политические дебаты, но всё же не выходят за известные рамки, и не только из-за того, что следует соблюдать формальную вежливость, а просто потому, что каждый из нас твёрдо знает, что всякие попытки унижения другого из-за его национальности граничат с глупостью и подлостью.

Поэтому слова Аллы прозвучали как пощёчина, впрочем, нет, это было даже хуже. Это было, как если б на монаршем приёме один из гостей вдруг громко испортил воздух. Я должен признаться, что у нас с Аллой уже и раньше случались небольшие стычки по этому поводу, причём вначале они больше удивляли меня, чем возмущали. В сущности, ничего оригинального – всё те же тупые и ничем не подкреплённые причитания по поводу того, что «Россия весь Союз кормила», и что русские – очень добрый, сердечный, талантливый, но чересчур доверчивый народ, чем как раз и пользуются чужаки с чёрною душой. Причём, как и во всех клинических проявлениях сверхценных идей, спешить с терапией здесь не имело никакого смысла. Можно сколько угодно, с официальными отчётами государственного статистического управления СССР в руках, доказывать, что ни Белоруссия, ни Азербайджан, ни Казахстан не были обузой для страны, что в то же самое время в самой России полно убыточных регионов, что это нормальное и, в принципе, даже неотъемлемое явление для любого государства, – вас всё равно не услышат. Любые факты и статистика, если они не вписываются в сверхценную идею, объявляются фальсифицированными. Попытки логических аргументов так же бесплодны. Я как-то пытался на примере тех миллионов этнических русских, что отнюдь не по своей воле очутились за границей, продемонстрировать Алле непоследовательность её манифестов, но тут оказалось, что русские тоже имеют сортность – русские русским, видите ли, рознь, и те из них, что живут пускай всего лишь в нескольких сотнях метров, но уже за украинской границей, непостижимым образом девальвируются. Как крылато выразилась Алла, «это уже не настоящие русские». Больше всего меня позабавило, что она чуть ли не посочувствовала мне, когда в разговоре выяснилось, что и я родился хоть и в русской семье, но в городе Тбилиси. Смысл её слов был тот, что это обстоятельство, если и не являлось, строго говоря, позорным, всё же имело такой характер, что обнародовать его без крайней нужды не следовало. Кстати сказать, смешно было только в первый раз, а потом всякое упоминание о том, что я «грузин», начало меня безмерно раздражать, потому что Алла усвоила привычку всякий раз извлекать эту деталь на свет во время наших ссор. Вообще, я должен заметить, что моё отношение к Аллиным бредовым идеям по поводу «русскости» со временем менялось. Сначала мне казалось, что она просто притворяется и принимает на себя определённую роль в какой-то странной игре – ну не может же нормальный человек верить во всю эту галиматью, даже если и изрекает её по какому-то загадочному внутреннему побуждению. Потом я столь же ошибочно считал, что она просто пользуется подобной тематикой, когда ей хочется со мной поскандальить – именно потому, что подозревает, что такими разговорами меня можно относительно легко задеть. Но и тогда я всего лишь усмехался в ответ, а внутренне оставался спокоен. Наконец, до меня дошло, что, как это ни странно, у неё действительно имеется странный «пунктик». Но всё же по-настоящему злиться я начал уже позже и даже не сразу понял, отчего. Однако в какой-то момент меня всё же осенило. Пожалуй, присутствуй у Аллы лишь один мотив, к её нападкам можно было относиться спокойнее. То есть если бы она либо просто хотела время от

времени меня поддразнить, но беззлобно и в шутку, либо уж пусть бы лелеяла убеждённости в своих заморочках, но при этом бережно относилась ко мне лично. Так нет же! В бредовые идеи она истово верила, а ярлык свой навешивала на меня как раз тогда, когда действительно хотела меня побольнее ужалить, экстраполируя на меня свои идиотские взгляды и считая, что обнажает какое-то несмываемое клеймо на моей биографии. И вот это уже было по-настоящему неприятно. Как в какой-нибудь пьесе с закрученным сюжетом, где положительный герой подменяет ничего не подозревающему злодею смертельный яд на совершенно безобидный порошок такого же вида. Порошок не причиняет жертве вреда, но тайная злоба, выйдя наружу, обличает злодея, который, будучи уверен в своей полной победе, уже перестаёт скрываться.

Из того, что я сказал, может воспоследовать ложный вывод – будто мы с Аллой только и делали, что ссорились. Но это не так. Мы, в основном, только и делали, что лежали в постели, а когда, устав от лежания в постели, гуляли по городу или, скажем, сидели в кафе, то у нас находились тысячи других тем для разговора, лишённых конфликтного содержания. Я упоминаю о происшествии на маёвке только потому, что, сформировав отношение к Алле у Норки и других участников нашей компании, оно создало некий определяющий вектор. Думаю, что именно с того момента я, при всей пылкости любовной страсти, начал одновременно осознавать и нашу духовную чуждость, потому что некоторые вещи переживаются по-разному – в интимной обстановке или, будучи выставленными напоказ, как бы заново увиденные глазами других людей. Мой знакомый Володя Краев, в студенческие годы живший под одной крышей со своей двоюродной сестрой и её сыном, страдающим олигофренией, рассказывал, что со временем, когда определённые странности уже стали привычными, он практически перестал воспринимать племянника как умственно отсталого. События развивались так. Едва он приехал на учёбу, как двоюродная сестра, будучи местной жительницей, сразу же пригласила его к себе на жительство, рассудив, что с родными ему будет лучше, чем в общежитии. По словам Володи, сначала он согласился лишь из-за боязни, что сестра может оскорбиться отказом, истолковав его как нежелание жить в одной квартире с ненормальным, как оно, в сущности, и было. В самом ближайшем будущем Краев намеревался съехать под каким-нибудь более или менее благовидным предлогом, но к тому времени, как нашёлся предлог, ему уже расхотелось съезжать. Не знаю, конечно, как обстояли бы дела, если б его племянник был идиотом. Вероятно, в этом случае всё бы пошло иначе. Как бы то ни было, но Володька рассказывал, что они с племянником, в сущности, крепко подружились – если это слово применимо по отношению к олигофрену. Просто нужно было помнить о пределах его развития и не переходить границ. Так вот, единственное, что до самого конца давалось Володьке с трудом – это совместные прогулки. Сестра, по-видимому, понимала ситуацию и, не желая ставить кузена в неловкое положение, в основном, гуляла с сыном сама. Но иногда Володьке всё же приходилось это делать, и тогда ему было стыдно перед людьми на улице – причём даже перед совершенно незнакомыми случайными прохожими, в особенности перед симпатичными молодыми девушками – потому что он начинал видеть себя их глазами и вновь распознавать в племяннике олигофрена. Кстати, это касается не только тех вещей, которые могут быть истолкованы как постыдные. Однажды я с затаённой гордостью попытался посмотреть вместе со своими друзьями только что с немалым трудом отысканный и переписанный мною на новую кассету авторский фильм немецкого режиссёра, причём заранее характеризовал его друзьям как шедевр кинематографии. По мере просмотра, замечая молчаливое недоумение аудитории, я постепенно начал видеть кино их глазами и не нашёл в нём ничего, кроме холодного и скучного умозрительного построения как раз в том, что, вернись я только в собственную шкуру, было бы для меня наполненным бесконечного очарования. Фильм мы так и не досмотрели до конца, но я утешился тем, что приобрёл драгоценный опыт.

Итак, в первый момент все промолчали, и я уже надеялся, что выходку Аллы можно будет обратить в шутку или что она, по крайней мере, останется без дальнейших последствий.

Честно говоря, я был удивлён, что Алла оказалась настолько неучливой, она же не могла не понимать, что чуть ли не половина присутствующих относится к той категории, которую она определила архаическим словом «инородцы», и что сама она при этом, будучи в гостях, пользуется в том числе и их гостеприимством. Конечно, от уроженки Урала трудно ожидать чудес межнациональной дипломатии – там для этого нет необходимости. Но никто и не собирался задира́ть планку, а элементарная вежливость может быть присуща любому человеку, независимо от его происхождения и места обитания.

К сожалению, Алла решила развивать тему дальше, выразив неудовольствие наплывом украинских гастарбайтеров, от которых, как она выразилась, «скоро не будет житья» и которые захватывают не принадлежащую им по праву первородства огромную часть местного трудового рынка. Ей об этом якобы стало достоверно известно от одного хорошего знакомого, работающего в федеральной миграционной службе.

Тут всем стало ясно, Алле не до шуток.

– А ещё, – продолжила она, – хохлы через границу всякую сельхозпродукцию нелегально провозят и продают здесь по демпинговым ценам, чтобы местных производителей разорить.

Тогда Норка ехидно спросила:

– А об этом тебе, наверное, стало известно от хорошего знакомого из федеральной таможенной службы. Да?

– Зачем? – отвечала Алла. – Это и так любая дура знает!

Правда, на этом конфликт был прерван, потому что в дальнейшую полемику никто вступать не стал. И надо отдать должное моим сослуживцам: ни один из них впоследствии не напомнил мне о неприятном инциденте. Правда, и я на служебные попойки Аллу больше не приглашал.

Впрочем, говоря об Олином отношении к Алле, я, возможно, не прав, придавая чрезмерное значение данному эпизоду – в конце концов, Норкино мнение никогда не было особенно благосклонным. Более того, она поспешила высказать суждение о моей подруге сразу же после того, как её увидела, причём даже без своего обычного иезуитства. Кстати, может сложиться впечатление, что Норкина способна лишь на критические замечания. Так вот, это не так – она и похвалить может, если кто-то ей нравится. Но здесь, по всем признакам, был не тот случай, впрочем – судите сами. Как я уже рассказывал, Оля неожиданно, без предупреждения, приехала ко мне после возвращения из очередной поездки в наш родной городок – привезла передачку от мамы. И появилась как раз в тот момент, когда мы с Аллой, едва успев зайти в квартиру, целовались на пороге моей комнаты. Я, естественно, тут же постарался как можно скорее сплавить Норку и, чтобы взять инициативу в свои руки, вызвался её проводить и «поймать» для неё такси. Собственно, вручение передачки и краткая процедура знакомства, переходящая в прощание, произошли настолько быстро, что у Оли и времени-то, считай, не было, чтобы рассматривать Аллу. Но, как выяснилось, она её неплохо разглядела. Пока мы шли вниз по лестнице, Норкина спросила:

– Новая пассия твоя?

– Ну, можно и так сказать. Понравилась?

Ольга скривилась, как будто её заставили лягушек целовать:

– Смазливая, но наплачешься ты с ней!

В тот момент я не особенно был склонен прислушиваться к Норкиному мнению – всё равно, если судить по началу нашего разговора, ничего хорошего ожидать не приходилось, а Оля такая, что уж если что-то скажет, то отмахнуться от этого сложно, потому что «всё в точку». Так что я не стал входить в детали, почему наплачусь, чтобы не портить себе настроения. Но уточнять и не потребовалось.

Пока ловили такси, Норка сказала:

– У неё взгляд был, как у мороженого судака, когда она на меня смотрела. Надеюсь, тебе не придётся зависеть от её чуткости, потому что судна из-под тебя, случись что, она выносить не будет. Да и не только судна – она даже просто посочувствовать не в состоянии.

Как ни крепился я, чтобы не вступать в споры с Ольгой, всё же спросил возмущённо:

– Почему это «не в состоянии»? Ты какую-то ерунду говоришь... А глаза у неё, по-моему, очень красивые.

– Почему! Да потому, что не обладает способностью к сопереживанию. Это бывает. Ну не видит в другом живое существо, заслуживающее сострадания, что поделаешь! Про глаза я, кстати, ничего и не говорила. Я сказала, «взгляд». А глаза у неё, действительно, красивые, только чересчур блудливые. Если честно, я таких блудливых глаз, как у неё, никогда раньше не видела. Ты там не забывай о гигиене, а то соберёшь микробов со всей округи.

Доругаться мы не успели, потому что подъехало такси, но Норкины слова я, конечно, не забыл, и даже стал непроизвольно отмечать некоторые особенности характера Аллы.

Кстати, в том, что Оля напророчила о чуткости, мне пришлось удостовериться почти сразу, потому что вскоре довольно серьёзно заболела мама, и я должен был мотаться к ней каждую неделю, чтобы удостовериться, что она выполняет все предписания, и чтобы в целом держать ситуацию под контролем. Я был обеспокоен тем, что мамина хворь никак не проходила, а симптоматика была слишком нетипичной. Это могло означать всё что угодно, включая самые неприятные вещи. Когда я поделился своими тревогами с Аллой, которая была недовольна моими отлучками, она спросила:

– А что с ней?

Я рассказал, не пренебрегая некоторыми подробностями.

– Надо же! – удивилась Алла, – У моей бабушки перед смертью точно так же было! А сколько твоей матери лет?

– Шестьдесят шесть.

– Ну так она и старая уже у тебя. А моей ещё только пятьдесят один год.

В конце концов, мама, к счастью, поправилась, но не сразу – она чувствовала себя неважно ещё недели три или четыре. Мне, естественно, больше не хотелось обсуждать её самочувствие со своей подругой, хотя я, наверное, подсознательно ждал, что в какой-то момент Алла всё-таки спросит меня об этом сама. Но она так и не спросила.

Что же касается второй части Норкиного предсказания, то я ничего такого не замечал. Хотя, может быть, в этом была виновата моя внутренняя установка: для меня всякое проявление необоснованных подозрений в отношении близкого человека – низость. У ж это-то я усвоил давным-давно и прочно – и на примере матери, и на собственном опыте.

Да, я ничего не замечал, но, может быть, только оттого, что никогда и не присматривался. Как бы то ни было, до вчерашнего дня мне и в ужасном сне не могла бы представиться степень моего нынешнего отчаяния. Норка всё-таки оказалась права, но я никак не мог объяснить – как? Как, чёрт возьми, за каких-нибудь десять минут первой встречи она успела разглядеть в Алле черты распутницы? Получалось, что успела. Самое противное было в том, что разумом я понимал – как бы ни развивались будущие события, не имело никакого смысла переживать по поводу того, что уже произошло, и уж тем более испытывать по этому поводу какие-то сомнения. Но всё же я их испытывал, и как человек, имеющий мало-мальское отношение к психиатрии, не мог не признать, что какая-то часть моей души вышла из-под контроля сознания, причём диагноз не вызывал сомнений – это была ревность.

VIII

В зоопарке «Эль Пасо» американского штата Техас произошла трагедия: тигрица по кличке Сери убила своего партнёра, тигра по кличке Взуи, который посмел обратить своё внимание на другую самку.

Об агрессии Сери работники сообщали ещё в июне, отмечают «ЕвроСМИ». Тогда впервые было замечено, что «самки не любят друг друга и испытывают ревность». Соперница значительно старше Сери, ей целых 15 лет.

Директор зоопарка отмечает, что поведение тигрицы совсем не указывало на возможность подобного финала. Более того, перед убийством коварная Сери мирно отдыхала в вольере со своим любимым и играла с ним. Сейчас сотрудники зоосада выбирают нового самца, ведь участники этого «любовного треугольника» относятся к подвиду малайских тигров, находящихся на грани исчезновения.

Работникам будет не хватать Взуи, так как тигр был «любящим существом». Сери и Взуи попали в зоопарк в рамках программы, курируемой американской Ассоциацией Зоопарков, помогающей выжить редким видам животных.

По данным «ЕвроСМИ»

IX

Ревность – это ощущение одиночества среди смеющихся врагов.
Элизабет Боуэн

Первую вспышку я ощутил ещё тогда, когда всхлипывающая Алла, забыв о дымящейся в её руке сигарете, рассказывала мне о своих затруднениях. Вся подоплёка истории с шантажом была для меня, без преувеличения, шокирующей, и ощущение шока только увеличивалось от того, как и в каких выражениях излагалась суть происходящего. Но, оглушённый неожиданными известиями, я как будто внутренне онемел, поэтому вспышка была слабой. А кроме того, всё это звучало настолько невероятно, что рассказ Аллы показался мне нереальным. Хотя, если подумать – что здесь нереального? Откуда-то же берутся эти десятки, если не сотни тысяч клипов, наводняющие интернет, – настолько, что невозможно поинтересоваться прогнозом погоды на завтра, не наткнувшись на порнографию. Ведь не какие-нибудь пришельцы с других планет снимаются в них – нет, вполне реальные Аллы и Светы, Юры и Серёжи, быть может, живущие в соседнем дворе или в каком-нибудь неприметном доме на вашей улице. Или даже девушки, сидящие напротив вас в непринуждённой позе за столиком кафе. Впрочем, в Аллиной позе, несмотря на показную непринуждённость, проступала напряжённость. Даже то, что она не замечала грозящий свалиться ей на кофточку столбик пепла на сигарете, указывало на степень её волнения.

– Пепел стряхни!

Вот какими были мои первые слова в ответ на откровенные признания моей подруги, и это вызвало её раздражение:

– При чём здесь пепел? Что ты о каких-то пустяках говоришь, когда речь идёт о жизни и смерти?

О жизни и смерти речь, конечно, не шла, но ситуация, тем не менее, представлялась крайне неприятной, а я в тот момент ещё продолжал оценивать мотивы и чувства своей подруги совершенно неверно и даже наивно. В определённом смысле я даже сострадал Алле из-за того, что она вынуждена была мне открыться, простодушно полагая, что её нынешнее состояние является не в последнюю очередь результатом переживаемого стыда. Вскоре выяснилось, что если отголоски этого чувства и не были Алле чужды, то уж, во всяком случае, особой роли не играли. Более того, как я догадался впоследствии, она, вероятно, была бы способна рассказать мне о многих, если не о всех, перипетиях этой истории ещё раньше, задолго до описываемых событий, и даже не будучи «припёртой к стенке» обстоятельствами. Просто до того дня я не задавал ей лишних вопросов и, соответственно, не получал честных ответов на эти вопросы. А она, пожалуй, и не догадывалась, насколько эти откровенные ответы могли мне быть неприятны. Для Аллы – да, наверное, и не только для Аллы, как я могу предположить уже теперь, сквозь призму былого опыта, ведь не одна же она такая на свете, – зазорная сторона её нынешнего положения заключалась больше в том, что она глупо «подставилась», а вовсе не в том, что у неё на совести были какие-то постыдные поступки. С точки зрения Аллы, ничего особенно бесчестящего она не совершала. Насколько, что даже я – «любимый мужчина», если судить по её же собственным неоднократным признаниям, и уж, во всяком случае, мужчина, имеющий прямое отношение к её интимной жизни – не должен был иметь никаких оснований для претензий. Свою досаду по поводу случившегося Алла лучше всего выразила всего одной короткой фразой:

– Вот как угораздило лохануться!

Меня же, главным образом, особенно поначалу, потрясло приоткрывшееся прошлое моей подруги, а вовсе не практический аспект борьбы с неведомым шантажистом. Из этих разночтений и вытекла наша с Аллой первая и довольно бурная, хотя и скоротечная, ссора на фоне новой реальности.

Я уже рассказывал, что с первых слов о шантажисте мои мысли заметались в поиске оправдательных мотивов для Аллы. Но ненадолго. Далёкие от истины фантазии о первой любви, о неопытной и чрезмерно доверчивой Джульетте и непорядочном Ромео быстро уступили место более правдивой, но и крайне неприглядной интерпретации событий. Меня будто окунули в зловонную канаву. Как оказалось позже, глубину этой канавы мне ещё только предстояло измерить. Суть начала рассказа моей подруги, как я его помню теперь, заключалась вот в чём – правда, следует сделать некоторую скидку на моё тогдашнее состояние – возможно, я упущу какие-то детали. Некий шантажист завладел кассетой эротического содержания с участием Аллы – там была крупным планом снята весьма откровенная постельная сцена. Теперь же каким-то образом ему стало известно о перспективе грядущего назначения Аллы председателем областного комитета по образованию. И вот, он решил воспользоваться «компроматом», чтобы, по словам Аллы, «срубить бабок». Вначале я думал, что письмо с угрозами пришло анонимно. Но, как оказалось, в прошлом шантажист был Алле неплохо знаком, а в пору съёмки был ближайшим приятелем её любовника, тоже запечатлённого на этом шедевре кинематографии. Любовник, как выяснилось в процессе повествования, полтора года назад разбился насмерть на своём мотоцикле. Как случилось, что кассета оказалась теперь у шантажиста, имевшего вполне конкретное имя «Гена Шемякин», Алле было неизвестно и непонятно. Что теперь делать, было так же не ясно, поскольку, в соответствии с общеизвестными принципами детективного жанра, уступать шантажистам не рекомендуется ни при каких обстоятельствах – это только поощряет их жадность и провоцирует предъявление всё новых требований. Что касается видеозаписей, то они легко дублируются. Соответственно, уничтожение улик, в свою очередь, представлялось совершенно безнадёжной затеей – это, так сказать, в теории. А на практике всё выглядело ещё более мутно. По этой причине, а ещё, возможно, из-за того, что мне нужно было прийти в себя после обрушившихся на меня новостей, я продолжал молча смотреть в свою пустую чашку после того, как Алла изложила свою повесть. Некоторое время она тоже сидела молча, после чего спросила достаточно резко:

– Может быть, ты всё-таки скажешь, что ты об этом думаешь?

И, конечно же, уловив суть моей реакции и без труда связав концы с концами, продолжила:

– Или ты так и будешь сидеть с постной рожей? Или, может быть, ты теперь считаешь, что я тебя недостойна? Так скажи! Что тянуть резину? Скажи, и я хотя бы буду знать, что мне не стоит рассчитывать на твою помощь.

Уже в тот момент во мне произошло своего рода расслоение. Одна моя часть, самая безгловая, выступала за то, что нужно честно сказать Алле, что моё отношение к ней, действительно, изменилось и что нам следует расстаться. Другая, более рациональная и даже циничная, полагала, что как раз не стоит ничего активно предпринимать, равно как не стоит и разрывать отношения – просто нужно трезво посмотреть на ситуацию с практической стороны и не ломать дров, а там – как пойдёт. Наконец, третья, наиболее сочувственная, а может быть, наиболее трусливая, склонялась к тому, что просто отойти в сторону – недостойно друга и мужчины, даже если нашим близким отношениям и суждено прекратиться. В тот раз победила третья часть, потому что я ответил:

– Разве я сказал «недостойна»? Я просто пока не знаю, что тут можно сделать. Нужно подумать.

– Подумай.

– А если просто не обращать на его угрозы внимания?

– Полагаешь, он пойдёт на попятный и не пришлёт мне эту запись на работу? Ещё как пришлёт, я этого пропойцу знаю! Назло пришлёт – если уж вымогательство не удалось! Был бы Игорь живой, так Генка не посмел бы, конечно. Он Игоря как огня боялся, потому что тому вообще башню переклинивало, когда, бывало, напьётся, – из-за этого и погиб. Игорь бы его по асфальту размазал.

– Хорошая у тебя была компания!

– А! Ну давай, заклеими меня позором! Тебе такая отличная возможность предоставилась.

Я немного усовестился, ответил примирительно:

– Хорошо. Представим, что пришлёт. Ну посудачат у тебя в конторе немного, да и перестанут. Кроме того, всегда можно сказать, что это монтаж.

– Какое там «посудачат»! Да и не монтаж это. Там моё лицо на весь экран видно. И не только лицо!

Последние слова смутили меня настолько, что даже неловко стало – взрослый мужчина, а краснеет, как гимназистка.

– Ну хорошо, пусть видно. Но ты же не для публичного просмотра разрешила этому Игорю сделать запись – её просто украли. Мне кажется, в таких случаях к человеку даже сочувственно могут отнестись.

– Могут, – с сомнением хмыкнула Алла, – но только не у нас. И они правы. Как я после такого скандала буду этим старым дурам в шиньонах разносы устраивать? Нет, моей карьере тогда конец.

– Каким ещё старым дурам?

– Да всяким там директрисам в сельских школах. Сейчас-то они на меня снизу вверх смотрят – я же «начальство»! А что будет потом, когда узнают? А они точно узнают, у нас в комитете найдутся доброхоты, уж постараются разнести и вглубь, и вширь. Да и не скажешь, что это, мол, у погибшего жениха кассету украли – там же не один Игорь снят.

– Ну, понятно, что не один.

– Ты на самом деле такой неиспорченный или прикидываешься?

Тут я и вправду еле-еле догадался, о чём шла речь, а когда догадался, то меня изнутри обдало таким холодом, что я даже забыл обидеться на Аллу за её грубость.

– Ты имеешь в виду...

– Да, да! Имею. Тебе в подробностях описать?

– Нет, не нужно в подробностях. Не хочу я слушать твои подробности!

– Ну и не слушай! Но притвориться скромницей и невинной овечкой у меня точно не получится. Да и снимали с рук, а не со штатива, так что...

Я замолчал подавленно, а Алла посмотрела на меня зло, чуть ли не с вызовом:

– Ну что? Прости и прощай?

Пожалуй, это был бы самый удобный миг для расставания, и не исключено, что я бы им воспользовался, но Алла продолжила:

– Я-то думала, ты и вправду особенный, как ты о себе рассказывал. Не собственник. А ты – точно такой же, как все.

Объяснять Алле, что дело не в ревности и не в чувстве собственника, я не стал. Да она бы и не поняла, наверное, что ревность – это одно, а разрушение образа любимого человека – совсем другое. Но всё равно, мне было обидно, что она уравнила меня с другими. Поэтому я ответил:

– Не в том дело. Просто это всё слишком неожиданно. Я никогда не предполагал...

– Предполагал или нет, но я от тебя ничего не скрывала. Ты сам ни о чём не спрашивал. Я, дура, думала, что для тебя это не имеет значения, что ты можешь меня принять такой,

как есть. Надеюсь, ты не настолько наивный, чтобы считать, будто я свою девственность для встречи с тобой берегла?

– Не такой. Я, может, наивный, но... Но я не предполагал. Я как-то совсем не ожидал такого, понимаешь?

– И что теперь?

– Ничего. Слушай, Алла... Ты права, я никогда не спрашивал, а вот теперь хочу спросить. У тебя было много мужчин до меня?

– А что, это стало важно? Раньше ты мне говорил, что это не важно, лишь бы мы любили друг друга. Да я и не знаю точно, честно говоря.

– Как это? Что ты имеешь в виду? Как так – ты не знаешь?

– Ну... До семидесяти я вела счёт. Поэтому точно могу сказать, что больше семидесяти. Но это, в основном, ещё во время учёбы в университете было. А потом перестала считать. Но потом не так уж и много было. Не знаю, может, до восьмидесяти пяти дошло, может, до девяноста.

Я аж присвистнул:

– Не слабо!

– А что тебе «не слабо»? Что тут такого? Я была свободной, незамужней женщиной, они тоже не были женаты... В основном...

«Да, – подумал я про себя, – действительно!!! Что тут такого? Полусотней больше, полусотней меньше – какая, в самом деле, разница?»

– Послушай! – вдруг догадался я. – А эта кассета – единственная?

– Ну не единственная. А что это меняет? У Генки-то кассета только одна. Остальные кассеты пока что никакой опасности не представляют – то было уже давно, и с людьми из совсем другого круга. Да и вообще. После моего назначения все эти детали вряд ли будут актуальны. Главное – сейчас не допустить, чтобы кассета всплыла. Чернышёву вот-вот предложат место в министерстве. Вопрос даже не месяцев, а недель. Обидно будет, если мои труды пойдут насмарку. Если запись всплывёт – не видать мне председательского кресла, это уж точно. И так разговоры идут, что Чернышёв мне место зама через койку предложил. Ну а если ещё и кассета – тогда точно конец.

– А он, действительно, тебе место зама через койку предложил?

– Нет.

– То есть с ним ты не спала?

– Да какая разница? Ну чего ты так на меня смотришь, как будто хочешь презрением облить с головы до ног? Спала, не спала! Тебе-то что с этого? Это ещё до тебя было! Вот если бы я тебе изменила – другое дело.

Какое-то время мы посидели молча.

– Ну и что мне теперь делать? – снова спросила Алла после долгой паузы. – Он пять тысяч требует. Долларов.

– Я не знаю... Мне нужно это как-то переварить.

Мне, действительно, нужно было это переварить. И не в том смысле, какие действия стоит или, наоборот, не стоит предпринимать, чтобы избавиться от шантажиста и его угроз. Нет, мне нужно было заново осознать свой статус. В конце разговора я ощутил настоящую потребность переосмыслить всё сказанное. И дело было совсем не в том, оставалась ли Алла верна мне на протяжении последнего года – то есть после того, как мы с ней стали близки. Нет. Это-то как раз было третьестепенным вопросом. Главное было в том, что я узнал, что она – шлюха по призванию. Ну то есть совершенно безотносительно к нашим с ней отношениям. Это было новое и очень странное чувство, я никогда раньше не имел таких подруг. Попробую объяснить. Ну, например, о бывшей жене мне было известно, что она изменяла мне по меньшей мере дважды за время нашего брака – в обоих случаях у меня просто не оставалось никаких

поводов для сомнений. Ещё об одном случае нельзя было судить наверняка, но я склонен считать, что она и тогда не упустила возможности. Тем не менее, у меня ни за что не повернулся бы язык назвать её «шлюхой» или «потаскушкой». Это было объективно невозможно. То, что она была мне неверна, не сделало её «распутной женщиной». Алла же в своём отношении к вопросам пола была совсем другой. Пожалуй, некоторая аномалия всегда в ней присутствовала. Но только теперь я увидел, что аномалия как раз и составляет костяк её характера. Причём, хотя это было непросто, я всё-таки заставил себя думать об Алле без горечи и без ожесточения. «В конце концов, – сказал я себе, – не исключено, что она права. Может быть, и в самом деле, традиционное воспитание и жизнь в нашем насквозь «мужском» мире создаёт ложные, но при том труднопреодолимые установки и стереотипы. Не исключено, что если подойти к вопросу сугубо рационально, то в таком образе жизни вовсе и нет ничего предосудительного».

Да, это было по-настоящему странное чувство. Но я подумал ещё и так: «Почему бы не отложить все суждения на завтра? Какой-нибудь средневековый японец, впервые примеривший европейскую одежду и обувь, вероятно, чувствовал себя не менее странно. Но, чтобы узнать, насколько возможно это носить, нужно было попробовать походить в таком виде хотя бы несколько дней, чтобы дать себе время привыкнуть».

Впрочем, несмотря на попытки отбросить эмоции, я чувствовал себя отвратительно, а Алла вызывала у меня чувство гадливости. Поэтому я был даже рад, что наша следующая встреча откладывалась, как минимум, до завтрашнего дня.

Х

Повальное стремление к холостяцкой жизни в Венеции можно объяснить возросшим количеством профессиональных куртизанок, не говоря уже о целой армии проституток, неизбежно обитающей в любом крупном порту. Венеция прославилась как европейская столица наслаждений. Это прекрасно объясняет огромное количество и сиротских приютов, и монастырей, куда определяли девочек представители высшего класса. Две трети этих благородных девиц не могли найти себе мужей. На самом деле их число было даже больше, поскольку обедневшие аристократы нередко брали себе жён из среды обеспеченной буржуазии. Прочим приходилось оставаться в монастыре. Неудивительно, что многие из этих монастырей снискали дурную репутацию из-за своего распутства, наряду с игорными домами. Хотя о них упоминаний не так много, как о сиротских приютах, они ещё исполняли роль центров музыкальной жизни города.

Для женщины, которой удавалось выйти замуж, жизнь была вполне приемлемой. Вскоре она обзаводилась чичисбеем – особой венецианского происхождения, постоянным кавалером, почти неотличимым от жиголо, в то время как её занятой муж появлялся перед её глазами сравнительно редко. Этот чичисбей мог быть или не быть её любовником, у него могли быть различные перспективы, но в любом случае он был в своём праве. Отношения не исчерпывались постельными. По крайней мере, с точки зрения дамы, чичисбей обладал ценным свойством – от него можно было при необходимости избавиться. Пусть мужья в дефиците, зато чичисбея из такого количества холостяков выбрать было несложно. Но даже мужья и жёны могли меняться. Один из самых поразительных для путешественников аспектов венецианской жизни заключался в частоте расторжений брака и очевидной простоте этой процедуры.

Джон Норвич, «История венецианской республики»

XI

Ничто так не привязывает, как ревность.
Андре Моруа

Сначала мне ни с кем не хотелось обсуждать свой разговор с Аллой, да, честно сказать, если бы вдруг и захотелось, то не нашлось бы с кем. Единственным человеком, кому я мог рассказать обо всём, ничего не утаивая, была Норка. Потому что о ней я твёрдо знал, что она не только не предаст, но и не посмеётся надо мной, а моё положение, если посмотреть отвлечённо, было презабавным.

Но Оля не стала бы хладнокровно рассматривать подробности диспозиции. Для этого она чрезмерно пристрастна. Она сразу стала бы намечать для меня генеральный план действий, и я слишком хорошо догадывался, каких именно. Впрочем, говоря объективно, я не могу вспомнить ни одного случая, когда Норка подала бы мне ложную идею или дурной совет. Скорее всего, она и на этот раз правильно разложила бы всё по полочкам, но в тот момент мне не хотелось правильности и полочек. Кроме того, я сам пока ещё не успел разобраться в собственных чувствах – значит, вряд ли смог бы изложить Ольге что-либо, кроме голых фактов, ну а голые факты, как известно, не всегда служат наилучшей отправной точкой для категорических выводов. Как бы то ни было, утром я ещё не хотел с ней разговаривать, а ближе к вечеру попросту не смог дозвониться. Но и упорствовать долго тоже не стал, хотя сейчас вспоминаю об этом с чувством запоздалого раскаяния. Норка в одном отношении очень странный человек. Городской телефонной линии у неё нет – так вроде хотя бы к мобильной связи стоило бы относиться посерьёзнее. Но нет. То у неё телефон разряжен, то переключён на бесшумный режим из-за планёрки, которая благополучно закончилась часов сорок пять тому назад, а то и вовсе может статься, что закатился под стол на рабочем месте и был оставлен там до следующего утра. При Норкиной обязательности и даже педантичности в других вопросах, эта её особенность кажется чистым издевательством, но уж как есть! Пожалуй, можно было съездить к ней домой, но тогда мне это показалось излишним. Оглядываясь назад, можно признаться, что я совершил ошибку, потому что у Ольги, помимо прочих её достоинств, редкий нюх на грозящие мне неприятности. Наиболее выдающийся случай, о котором, пожалуй, стоит упомянуть, произошёл около двух с половиной лет тому назад, когда Арик Кац порекомендовал мне портниху, некую Инессу из – как было торжественно, с закатыванием глаз, сказано – «самого лучшего в регионе» ателье. «Самое лучшее ателье» почему-то находилось не в центре, а на отшибе, но, судя по тому, как одевался Арик, мастера там были действительно хорошие. В наше время как-то не очень модно шить на заказ, большинство людей обходится массовой продукцией или, в крайнем случае, находит для себя наряды в небольших магазинах, которые местная публика называет «бутиками». И я в этом смысле не исключение. Но тут Арик вдруг появился на работе в элегантнейших брюках, сшитых за такие смешные деньги, что я «повёлся» на его агитацию. Тем более что у меня как раз поизносился гардероб, поскольку традиционно закупкой одежды на всю семью у нас занималась Нина. После развода я, кажется, так и не приобрёл ни одной вещи, и при всём моём равнодушии к «кутюру», пришло время кое-что обновить. Знакомство со швеёй состоялось в ателье, но шить брюки она с загадочной улыбкой предложила у себя на дому, причём Арик, узнав об этом, чуть не заболел от горя – как выяснилось, он добивался этой привилегии уже давным-давно, но так и не был удостоен такой чести. Швея же, по словам Арика, имела репутацию женщины, равнодушной к вниманию мужчин. Вследствие его намёков и общего впечатления от знакомства я, собираясь на такое интимное дело, как примерка, чувствовал себя юношей, отправляющимся на первое свидание. Да и портниха была, действительно, замечательно красивой женщиной, правда, лет на пять

постарше, чем я. Но это, конечно же, не могло служить помехой, тем более что мне всегда, даже по молодости, нравились женщины в возрасте примерно от тридцати до сорока лет. Норка, с её утончённым чувством прекрасного, называет эту возрастную фазу «расцветом увядания». Как бы то ни было, но мне удалось стратегически договориться о встрече через несколько дней, в ближайшую пятницу – так, чтобы она приходилась на ранний вечер и давала простор для импровизированного продления визита, если бы мои желания совпали с желаниями хозяйки. Из тех же самых соображений были приобретены бутылка божоле, а также букет цветов, что не вполне вписывалось в рамки заявленной цели визита, поэтому я, уходя из дома, положил их во вместительную сумку, чтобы эффектно извлечь, если мои упования начнут сбываться, или же, наоборот, скромно утаить, чтобы не показаться смешным в случае неудачи. Вообще, нужно заметить, что в тот период я, по-видимому, был ещё не вполне самим собой, не успев оправиться от душевных ран, нанесённых мне Ниной, поэтому выказывал больше застенчивости и нерешительности, чем обычно, и был настолько чувствителен к любым действительным или мнимым проявлениям пренебрежения, что приобрёл преувеличенную, даже для себя, робость. В поисках дома портнихи пришлось изрядно поплутать, потому что он неожиданно оказался даже ещё дальше, чем ателье, почти у самой реки, буквально в пяти минутах езды от Норкиного района. Но всё же мне удалось добраться туда в назначенный день и почти правильный час. Я, правда, чуток опоздал, но совсем ненамного, минут на десять. Однако, когда я постучал в квартиру Инессы, дверь открыла не сама хозяйка, а какая-то смуглая женщина лет сорока пяти. В глубине квартиры я заметил двух столь же смуглых мужчин помоложе, что-то укладывающих в большие парусиновые сумки, наподобие тех, с которыми раньше любили путешествовать «челноки». Я был немного озадачен, поскольку знал, что портниха жила одна, так что отпрянул назад и ещё раз проверил номер квартиры, а женщина, вопросительно глядя на меня, спросила, кто мне нужен. Я пояснил, что договорился с Инессой о встрече.

– Инессы нет дома, не знаю, когда придёт, – скороговоркой и довольно неприветливо ответила женщина и захлопнула дверь.

Я снова постучал. На этот раз за спиной женщины, вновь выглянувшей из-за полуоткрытой двери, маячил один из мужчин.

– А вы могли бы ей передать... – начал было я.

– Вам же сказали! Не знаем, когда придёт, – отрезал мужчина. – Мы родственники, только сегодня из деревни приехали, ничего не знаем.

Я постоял ещё несколько секунд перед снова захлопнувшейся у меня перед носом дверью, решая, что предпринять, но стучать больше не стал. Как назло – впрочем, как выяснилось позже, к счастью – я, подобно Норке, забыл свой мобильный телефон дома, поэтому для того, чтобы позвонить Инессе, пришлось ехать к ближайшему автомату. Что-то мне смутно не понравилось в облике этих людей, да и на родственников портнихи они, если судить по их внешности, как-то не тянули. Инесса с ходу, едва ответив на звонок и даже не выслушав меня, рассерженно заявила, что «так не поступают». Постепенно стали вырисовываться всё более настораживающие детали. По её словам, не кто иной, как я сам, позвонил ей днём на работу и предложил встретиться в кафе на набережной. Во всяком случае, это был мужчина, назвавшийся Сашей. Она, «как дура», безрезультатно прождала целых сорок минут возле входа, а затем направилась в гости к своей подруге, где и находится сейчас, и сегодня уже не расположена меня видеть, а если я ещё намерен делать заказ, то мне следует научиться быть более обязательным. Настроение у швеи было скверным, так что, когда я попытался объяснить ей, что здесь какая-то ошибка и рассказать о своём неудавшемся визите, она попросту повесила трубку. Поразмыслив, я решил перекантоваться часа два у Норки за бутылкой вина, а потом вернуться назад и всё-таки выяснить, что же произошло на самом деле, а заодно, если удастся, то и помириться с портнихой.

Норка встретила меня радостной улыбкой, которая на миг стала ещё шире, когда я достал из сумки божоле, но так же быстро и угасла. Сначала я думал, что Оля расстроилась оттого, что изначально божоле предназначалось для иной встречи и ей было обидно выступать в роли «запасного аэродрома», но по мере того, как я рассказывал ей свою историю, она всё больше бледнела и мрачнела, пока, наконец, не спросила:

– Ты сам-то понял, куда ты влип? Ты там трогал что-нибудь?

– Где?

– Когда стучался, дверь трогал? Или косяки?

Я пожал плечами:

– Что я, помню, что ли?

– Чёрт! У неё есть твой телефон или адрес?

– Нет.

– А ты ей раньше, помимо сегодняшнего случая, звонил на мобильный?

– Нет. Только на рабочий.

– Арик тебя сам представлял этой портнихе? Или он просто сказал ей о тебе?

– Насколько я знаю, ни то, ни другое. Он мне сказал, как найти ателье и как её зовут.

И всё.

– Это уже лучше. Обещай мне, что ты к ней больше не сунешься в ближайшие год-два

– при условии, что всё будет нормально.

– А чего ты так испугалась?

– Нет, ты точно – блаженный! Да тебя уже, небось, менты обыскались!

– Ты преувеличиваешь.

– Хорошо, если так. Слушай, тебя же вроде должны были в командировку отправлять?

Меня действительно вскоре должны были направить в соседнюю область, где случилась крупная эпидемия холеры, и поэтому своих врачей там не хватало. Наша больница ехала в две трёхнедельные смены, причём первая из них отправлялась уже послезавтра, но я был в списках второй смены. Выслушав меня, Норка сурово сказала:

– Поедешь в первую смену. Так будет лучше.

– Как я поеду в первую, если меня записали во вторую? И потом, я же ничего плохого не сделал!

– Это ты следователю будешь объяснять! А то, что смена другая, – так поменяешься, ничего страшного.

Ещё часом позже Норка заставила меня подъехать к тыльной стороне дома портнихи, сразу же вышла из машины и исчезла в темноте, а минут через пять вернулась и, сделав мне знак рукой, что можно ехать, сообщила сердитым шёпотом:

– Так и есть! Напротив подъезда ментовозка стоит.

Надо заметить, что всего лишь за две недели до этого, когда я в первый раз рассказывал Норкиной о своей предстоящей поездке, она меня очень строго отчитала. Командировка была добровольной, но в нашем отделении практически все более-менее молодые и не обременённые семейными узами согласились ехать. Ольга же настаивала, чтобы я отказался, – почему-то слово «холера» вызывало у неё панику. Я тогда даже немножко посмеялся над ней – во-первых, не стоит преувеличивать опасность, а во-вторых, мой отказ выглядел бы не очень красиво в глазах коллег, да и в смысле общепрофессиональной этики был бы немыслим без действительно серьёзных причин. Это уж такое дело: надо – значит, надо! Сегодня проблемы у соседей, а завтра, может быть, их помощь понадобится здесь. А холера – не какие-нибудь там «бирюльки», холера – вещь серьёзная.

Тем не менее, несмотря на вялое сопротивление, Ольга убедила меня сделать всё так, как она считала нужным. Напоследок мы поговорили ещё и о том, стоит ли предупреждать о чём-нибудь Арика, и сошлись на том, что не стоит – чем меньше осведомлённых людей, тем лучше!

Ещё через день Ольга стояла в группе других провожающих у окна уже заведённого междугороднего автобуса, размазывая по скулам чёрные от туши слёзы. Я привстал так, чтобы высунуться в форточку, и крикнул:

– Оля! Ты меня прямо как на войну провожаешь. Сию же минуту перестань плакать!

В ответ она зарыдала в голос, а когда автобус тронулся, крикнула:

– Береги себя! Помни, что твоя Норка тебя ждёт.

Я заметил, что сидящий рядом со мной Вадик Большаков напрягся при этих словах, а кое-кто из провожатых и из моих коллег в автобусе, наоборот, заулыбался, и почувствовал себя неловко, подумав, что мне следует намекнуть Оле, чтобы она больше не говорила о себе в третьем лице – ведь не каждый знает, что речь идёт о «Норке», а не о «норке», включая некоторые эвфемистические толкования этого слова. Я бы, пожалуй, так и сделал, случись это происшествие хотя бы годом раньше, но теперь, немного поразмыслив, не стал. Дело в том, что методы утешения, которые Ольга применяла, выводя меня из состояния подавленности после бегства Нины, принимали довольно причудливые формы, так что... Кто бы мог поручиться, какой именно смысл вкладывала Норка в своё прощание, и не оба ли сразу?

В заключение скажу, что напугавший Олю эпизод с портнихой так больше никогда и не напомнил о себе, не считая одного-единственного раза, когда несколькими месяцами позже Арик рассказал мне леденящую кровь историю о том, что «Инессочку» выманил из квартиры мнимый клиент, чтобы завладеть полученными ею как раз накануне и спрятанными в квартире деньгами за проданную машину. Но деньги были заныканы в старой курточке, которая висела на вешалке в прихожей, а вор не польстился на столь ветхую вещь, да и карманы курточки тоже не догадался проверить. В результате «Инессочка» пострадала не так уж сильно. Арик особенно напирал на то, что на самом деле ей просто необычайно повезло, что она ушла из дома – иначе всё могло бы закончиться куда печальней. Из рассказа Арика я сделал простой вывод, что, какой бы человек ни стоял за этим преступлением, он был неплохо осведомлён о делах швеи. И ей, действительно, просто сказочно повезло, потому что теперь стало понятно, почему «родственники» портнихи ответили на мой стук – в двери не было глазка, а «Инессочку», получается, поджидали после неудачного обыска. Но она всё не шла, и у бандюков, видимо, просто сдали нервы. Задним числом мне стало страшно от того, что могло бы произойти.

Возвращаясь к вопросу о том, что мне в тот день так и не удалось поговорить с Норкой, можно, конечно, предположить, что её своевременное вмешательство могло помочь мне избежать последующих проблем. Но на самом деле – если уж быть совсем честным – я не знаю. К тому времени ревность успела крепко взять меня за горло своей когтистой лапой – и дышать тяжело, и только больнее становится, если пытаешься вырваться. Возможно, это чувство просто нужно было пережить. Переболеть им, как переболевают всеми на свете чувствами – и любовью, и ненавистью. Расстаться с Аллой без промедления – значило бы отказаться не только от её тела, но и от своего чувства любви к ней и, что намного труднее, от своей ревности. В тот день я не нашёл в себе для этого сил и даже легкомысленно обещал Алле свою помощь. Знал ли я, что меня ждёт? Конечно же, нет. Уверен ли я, что остановился бы, если бы знал наперёд, что из-за неразумной страсти окажусь за чертою закона и даже на грани уголовного преступления? Пожалуй, уверен, для этого я был достаточно вменяем, и если бы Норка была по-прежнему прозорлива, то хотя бы этой стороны моих неприятностей можно было избежать. Конечно же, то, что опрометчивые и непорядочные поступки были совершены ради Аллы или ради, как я считал, своей любви к ней, совершенно меня не оправдывает. И если я сейчас говорю о том, что раскаиваюсь, что не съездил к Норке, так это отчасти и оттого, что мне хотелось бы разделить с

кем-нибудь ответственность, а Норка для этого – самый подходящий кандидат. Она приучила меня полагаться на её помощь, она сделалась моим ангелом-хранителем, моей нянькой – так почему, чёрт возьми, в самый ответственный момент её не оказалось со мной рядом?

XII

В эпоху галантности, естественно, должна была коренным образом измениться и сущность чувственных проявлений. Из проявления силы, всегда, впрочем, самой природой ограниченной, чувственность превратилась в простую игру. Любовь стала галантностью, так как игру можно продолжать до бесконечности и каждый день её можно разнообразить. Все формы взаимного ухаживания превращаются в игру и тем самым становятся более утончёнными.

Если дама колеблется, то только потому, что хочет увеличить удовольствие мужчины, добивающегося её благосклонности. «Какое очарование связано с подобными сооружаемыми препятствиями!» – восклицает граф Тилли. – Женищина не желает сразу сдаться. Она позирует в роли неприступной. Она должна говорить «нет», а её поза внушает мужчине уверенность в успехе». Всё грубое и опасное должно быть исключено из любви. Страстная ревность считается смешной. Если обнаруживается это чувство, оно вызывает только недоверчивое и неодобрительное покачивание головой. Соперники скрещивают шпаги, но они редко прокалывают сердце, обыкновенно оставляя на коже лишь царапину. Подобно шипам розы, любовь должна наносить лишь моментальную боль, а не подобно кинжалу в бешеной руке – опасные для жизни раны, ещё менее убивать. Кровь только символ, а не удовлетворение мести. Не нужно бойни, достаточно одной капли, чтобы создался этот символ. Желания обнаруживаются всегда элегантно и грациозно, а не бурно и разрушительно. Никто не позволит себе жеста циклопа. С руки никогда не снимается перчатка.

Э. Фукс, «Иллюстрированная история нравов. Галантный век», 1909

XIII

*Ревнивый муж подобен турку.
Козьма Прутков*

Алла, как мы и договаривались, постучала в мою дверь вечером следующего дня, когда мне худо-бедно уже удалось немного успокоиться и взять себя в руки. Если попытаться в конспективной форме описать выводы, к которым я к тому времени пришёл, то они сводились примерно к следующему. Теперь, по итогам здравых, как мне казалось, рассуждений, я считал правильным не только отстраниться от конкретных проблем своей подруги, касающихся шантажиста, но и, по мере возможности, эмоционально отгородиться от неё самой. Впрочем, это вовсе не должно было неизбежно означать полного разрыва отношений. Чисто внешне всё вообще могло бы оставаться без каких бы то ни было изменений – по крайней мере, до тех пор, пока не перестало бы устраивать кого-то из нас. Как я полагал в тот момент, некоторый минимум заботы и дружелюбия в отношении Аллы был бы для меня не так уж обременителен: лучшую любовницу всё равно вряд ли найдёшь, а видимость привязанности на поверку не намного отличается даже от самого глубокого и искреннего чувства. В конце концов, люди сплошь и рядом принимают одно за другое, и ничего – даже счастливы!

Я вспомнил, как однажды подростком гостил на дедушкиной даче, и на окраинной улице неподалёку случился довольно большой пожар. Ни в том доме, где возник очаг возгорания и где, по всей вероятности, была неисправна электропроводка – так, по крайней мере, говорили сбежавшиеся со всей округи соседи – ни в двух других домах, куда тоже перекинулся огонь, на момент воспламенения никого не было. Жилыцы левого дома как раз ушли в ближайшее село, хозяев дачи с неисправной проводкой никто не видел с позапрошлой весны, а владелец дома с правой стороны с утра отправился на рыбалку. Правда, когда соседи увидели валящий из-под крыши среднего здания густой белый дым и ударили в набат, то вместе с другими людьми, потянувшимися к месту происшествия со всех концов посёлка, прибежали и жители смежных домов. Сначала появились те, что ходили в магазин, и тут же стали вытаскивать из горящей дачи ветхую мебель и другие вещи. Они даже приволокли с собой багры, конусное ведро и огнетушитель – на стене селюк как раз находился пожарный щит – но толку от этого оборудования было мало. Огнетушитель, вяло побрызгав на языки огня, опустел ещё до того, как стал заметен какой бы то ни было эффект, а от багров и вёдер вообще не было никакой пользы. Лето в тот год стояло засушливое, колодцы пересохли. Таскать воду ведром из водопроводной колонки, расположенной на расстоянии чуть ли не в километр – сизифов труд, да и до реки нужно было идти почти столько же, только по бездорожью. На пожарных, учитывая отдалённость посёлка от ближайшего депо, тоже не приходилось рассчитывать.

Всякий, кто был свидетелем подобного события, знает, как быстро – за час, а то и меньше – весело потрескивая и постреливая огненными искорками, может сгореть дотла такой вот деревянный дачный домик. К счастью, по обеим сторонам от пылающей группы домов были пустыри, так что хотя бы распространения бедствия можно было не опасаться.

У самого края левого дома, возле ещё не занявшейся огнём стены, сидела на привязи крупная лохматая дворняга довольно грозного вида. Поначалу она не рвалась с цепи, видимо жар был ещё не так силен, но по мере того, как дом разгорался, собака начала пятиться назад, подальше от огня, тщетно дёргая на совесть вкопанный в землю анкер, визжа от боли и вздрагивая всем телом, когда со стороны дома раздавался особенно громкий треск. Соседи несколько раз кричали хозяевам, чтобы те освободили своего пса, но они, отмахиваясь руками, как если бы к ним приставали с какими-то пустяками, так и продолжали без устали таскать из дома разные предметы домашнего обихода. Наконец, какой-то парень, преодолев страх перед псиной,

подбежал к анкеру и снял с него карабин цепи. Собака, продолжая визжать, бросилась бежать по улице, волоча за собой цепь. Почти сразу после этого со стороны речки показался владелец правого домика. Он грузно бежал, держа в одной руке удочку, а в другой – резиновое ведро для рыбалки. Из-за того, что его дом, стоящий справа, находился с подветренной стороны от пламени пожара, он к тому времени пострадал ещё сильнее, чем левый. Тем не менее, мужчина, поставив ведро и прислонив удочку к забору дома напротив, бесстрашно вбежал в дом и через несколько минут появился с истошно вопящей кошкой в руках. Сунув кошку в руку одному из зрителей, он снова и снова бросался в полымя, видимо, оставаясь внутри каждый раз настолько долго, насколько мог вытерпеть, пока не вытащил оттуда ещё двух котят. После этого мужчина отошёл к месту, где стояли его ведро и удочка, обессиленно сел на землю и, опёршись спиной о забор, закурил папиросу. Мой дед, видимо, тронутый его поступком, особенно на фоне бессердечия других погорельцев, подошёл к мужчине и, коснувшись его плеча, сказал:

– Хороший вы человек!

– А? – не понял мужчина.

– Я говорю, хороший вы человек. Жалостливый – не как другие! О душе заботитесь, а не о материальном.

– Да как же не о материальном? – неожиданно визгливым, каким-то бабым голосом, совершенно не шедшим к его плотной фигуре, откликнулся мужчина и продолжил негодуя и как бы даже с обидой. – Как же не о материальном? Да ведь это же мейкун! Вы хоть знаете, что такое породистый мейкун?

– Не знаю, – растерянно произнёс дед, не ожидавший такого всплеска агрессии.

– А не знаете, так и не говорите! Не о материальном! Да мои кошечки побольше стоят, чем весь ихний курятник вместе со скарбом.

И, возмущённо махнув рукой, погорелец пошёл отбирать своих драгоценных кошек у играющих с ними соседских детей.

Словом, я рассудил, что физически близкие отношения вовсе не должны непременно предполагать душевную близость и уж тем более какое бы то ни было покровительство – если поразмыслить, так без всего этого даже и лучше. На протяжении последних нескольких часов я уже устал переживать за то, скольким мужчинам – потенциально включая в это число и кое-кого из моих коллег и знакомых – моя ветреная подруга успела расточить свои ласки, как выяснилось, в высшей степени доступные. Совсем другое дело, если не циклиться на вопросах раздачи её любвеобильности, – тогда вроде бы всё и нормально. Главное, не поддаваться иллюзии, что ты имеешь к этому какое-то касательство.

С другой стороны, развивая свою мысль далее, я твёрдо решил, что и проявления малейшего пренебрежения со стороны Аллы тоже не потерплю – пусть считается с тем, что мне неприятно слышать о её похождениях, ну а если ей что-то не по нраву – скатертью дорога! Мне казалось, что в случае возникновения разногласий я вполне готов к тому, чтобы предложить ей расстаться – тихо, без театральных эффектов, что называется, «как интеллигентные люди», то есть с чувством глубокой взаимной неприязни, но без мордобоя. Эту часть своих соображений я, само собой, прямо с порога собирался изложить Алле как необходимое предварительное условие каких бы то ни было дальнейших взаимоотношений.

Но Алла, не успев впорхнуть в комнату, подвергла меня такому напору страстных поцелуев, как будто я был последним мужчиной на Земле, с которым у неё, к тому же, было назначено последнее в жизни свидание. Не успел я оглянуться, как мы уже оказались в постели, причём я капитулировал с лёгкостью, удивившей меня самого. Ещё через некоторое время Алла, сидя на мне верхом и склонившись надо мной, тогда как я лежал с закрытыми глазами, целовала каждую мельчайшую чёрточку моего лица, называя их вслух и проходясь по ним сна-

чала снизу вверх, а затем сверху вниз. После того, как она, уже возвращаясь обратно, дошла до моего носа, я открыл глаза и увидел прямо перед собой её лицо. Алла смотрела на меня с выражением столь кроткой преданности, что перейти в тот момент на конфронтационный режим и начать выставлять ей какие-то условия казалось невыносимым. Я немного огорчился, что всё произошло так быстро – главное, что ещё до того, как мы успели поскандальить. После некоторого колебания я решил воспользоваться для предъявления жёстких ультиматумов нашей следующей ссорой. А если ссора не возникнет спонтанно в ближайшее время, то её можно будет без особого промедления спровоцировать нарочно, как только Алла «подставится», сказав мне какую-нибудь резкость – уж за этим-то точно дело не станет!

– Ты на меня сердишься? – спросила Алла тоном чрезвычайно глубокого и безусловного повиновения – в пору было подумать, что если бы я сказал ей сейчас, что сержусь, и велел бы пойти и покончить с собой, то она бы немедленно это сделала – всё с той же кроткой улыбкой, выражающей горделивое счастье от исполнения моей воли.

Я отрицательно помотал головой.

– Я знала! – радостно воскликнула Алла. – Я знала, что ты не будешь долго злиться. Вот за это я тебя и люблю. Ты – один такой на свете, поэтому мне и хочется быть твоей. Никогда и ни с кем не хотела быть чьей-то, а вот с тобой – хочу.

Алла даже и не подозревала, как болезненно царапнули меня её слова. Впрочем, впоследствии я был ей даже благодарен, потому что она, сама того не зная, подтолкнула меня к разгадке своей психологической фиксации. Но это было ещё впереди, а пока что Алла прервала мои вновь вспыхнувшие переживания новым тезисом, который вступил в прямое противоречие с предыдущим:

– Я знала! Потому что когда мы только познакомились – помнишь? – ты как-то сказал, что, независимо от обстоятельств, самый гнусный из человеческих пороков – это отношение к другому как к принадлежащей ему вещи. Я ещё подумала тогда, что, может, даже и хорошо, что ты расстался со своей женой – раз она проявила себя такой дрянью. Всё равно она никогда не смогла бы тебя оценить.

Я помнил этот разговор. Как помнил и ещё одну подробность – то, что я попросил Аллу больше никогда не называть мою жену «дрянь». Она и в тот раз вовсе не «подумала» так, а, напротив, высказалась – вполне конкретно, применив то же самое, слово в слово, определение. При всей горечи, оставшейся у меня после жестокого вероломства Нины, мне не нравилось, когда люди говорили о ней плохо. Особенно учитывая то, что даже я сам не решался судить её настолько категорично – а уж я-то побольше других знал о том, что произошло на самом деле. Да и по части моей предполагаемой жертвенности в браке с Ниной – не так всё просто. Хотя, если не обращать внимания на различия в стиле, Аллины представления о моих семейных проблемах недалеко ушли от того, что говорила мне Норка – и это при том, что между Норкой и Аллой нет почти ничего общего. Значит, со стороны всё выглядит приблизительно одинаково. По правде сказать, я вообще не уверен, как следует себя вести, если речь заходит о моём разводе. В ответ на праздное любопытство постороннего можно, конечно, просто отшутиться или произнести ничего не значащий набор слов, но если меня о чём-нибудь спрашивает человек из более близкого круга, то я стараюсь не «темнить», потому что лично мне эта черта в других людях крайне неприятна. Можешь – расскажи. Нет – хотя бы объясни, что тема для тебя болезненна и ты не намерен её обсуждать. А прибегать к явной полуправде, как мне кажется, не только некрасиво, но и не способствует сохранению добрых отношений. Впрочем, не буду категоричен – откровенность, судя по всему, тоже обходится недёшево, потому что, помимо сочувствующих, встречаются и отдельные осуждающие. Вадик Большаков как-то рассказал мне – больше по доброте душевной, чем от великого ума – что стал свидетелем горячего спора об обстановке в моей семье между Флюрой Муминовой и заведующей нашим отделением, Домной Васильевной, причём первая меня защищала от нападок второй, утверждавшей,

что я «тряпка» и «размазня» и что «настоящий мужик» якобы поступил бы так-то и так-то. В результате моё мнение о Флюре не стало лучше – оно и до этого было неплохим – а вот к Домне я, при всём своём уважении, начал относиться с осторожностью, хотя ни до, ни после этого случая она ничем меня не обижала. Само собой, помимо сочувствующих и осуждающих, попадаются ещё и просто злорадствующие, с которыми лучше бы вовсе не общаться, но иногда волей-неволей приходится. Однако по этому поводу я не собираюсь лить слёзы, потому что так уж устроен мир, а тот, кто его создавал, забыл справиться о моём мнении.

Как бы то ни было, в своё время я не посчитал нужным что-то скрывать от Аллы, когда она спросила о моём неудавшемся браке и о причинах развода. Тогда-то я и произнёс фразу, которая, как теперь выяснилось, была воспринята Аллой как всеобщая и исчерпывающая индульгенция на свободное распоряжение своим телом без каких бы то ни было ограничений.

Была, кстати, ещё одна смешная причина, из-за которой мне запомнился наш тогдашний разговор – в тот раз я в первый раз удостоился звания «грузина», причём в положительном смысле. Слово «грузин», взятое само по себе, у Аллы всегда носит негативную коннотацию, но может употребляться как для порицания, так и для похвалы, в зависимости от контекста. «Оставь свои грузинские замашки!» – говорит она в первом случае. Похвала же звучит несколько иначе: «Как приятно ты меня удивил! Не ожидала от грузина!»

Самое интересное, что моё давнее убеждение, о котором вспомнила Алла, действительно, не поколебалось, несмотря на изменившиеся личные обстоятельства, – я его и теперь был готов защищать с упорством Галилея. При всей условности всевозможных заповедей, сводов и правил, я всё-таки уверен, что никого и никогда нельзя считать своей собственностью – для меня это так же непреложно, как таблица умножения.

И, может быть, отчасти оттого, что мне хотелось подчеркнуть твёрдость своих взглядов, я не сказал Алле больше ни одного слова упрёка по поводу её прошлого. Ну, за исключением тех немногих, которые вырвались у меня под воздействием конкретных острых моментов и не относились, строго говоря, ни к истории с кассетой, ни уж тем более к её артистическому образу бывшей порнозвезды.

Может быть, поэтому я и дал слабинку в тот же вечер, согласившись совершить бесчестный по всем статьям поступок. Если поразмыслить, то это даже смешно, что, демонстративно и пафосно встав на защиту одной моральной максимы, я так легко пожертвовал другой, лично для меня не менее важной. Впрочем, всё по порядку.

Вдоволь наласкавшись и навоسخищавшись мной, Алла перешла к более прозаическим делам, причём её лицо тут же отразило перемену. Правда, она не стала плакать и, всхлипнув всего лишь два-три раза, смогла взять себя в руки, после чего говорила со мной почти спокойно. Но всё же нет-нет хваталась за горло – этот жест у Аллы является признаком того, что она борется с подступающими слезами. Подобные перепады настроения, кстати, вполне обычны для неё, здесь нет ни капли притворства. Поначалу я и сам думал, что имею дело с изощрённым лицедейством, но потом убедился, что Алла обладает счастливой способностью в постели забывать о любых неприятностях.

– Я насобирала чуть больше двух тысяч, – сообщила мне Алла. – Что-то у меня было на банковском счёте, что-то я заняла. Но нужно найти ещё три, причём срочно. Если я не отдам деньги в понедельник, он передаст кассету в комитет. Я с ним встречалась, просила об отсрочке, но он отказался наотрез. Ты бы его видел! Боже, как он опустил! Генка и раньше не был пай-мальчиком, а теперь – настоящий алкаш-подзаборник.

Напрасно я пытался убедить свою подругу, что самое лучшее – пустить это дело на самотёк. Передаст он кассету или нет, лёгкие деньги только пробудят в нём ещё большую алчность, и уже через какой-нибудь месяц – особенно если судить по описанию этого персонажа – он прогуляет и пропьёт всю наличность и вновь явится за деньгами. Но нет, рациональные доводы никакого эффекта на мою подругу не имели. Она и не отрицала, что таким способом проблемы

не решишь, но почему-то была уверена, что главное – избавиться от сиюминутной угрозы, а за месяц отсрочки она что-нибудь придумает.

– И что ты надеешься придумать?

Моя фраза произвольно прозвучала насмешливо и даже издевательски, и Алла, не найдя, что ответить, окончательно замкнулась. Она стала молча, с сумрачным лицом, ходить по комнате и собирать свои туфли и другие предметы экипировки, которые из-за нашей чрезмерной спешки разлетелись по всем углам.

– Хорошо! – не выдержал я пытки презрительным остракизмом. – От меня-то ты чего ждёшь? В моей заначке долларов триста, это всё. Хочешь – возьми их. А больше у меня ничего нет.

Алла не отвечала. Теперь она уже собрала свои вещи и, присев на кровать, натягивала колготки.

– Мне даже продать нечего! У меня из ценностей – одна только старая колымага, так она на столько, небось, и не потянет. Да её и не продашь так быстро. Взаимы мне тоже не у кого взять. У матери денег нет – она на пенсию живёт, ты знаешь. Норка со своей творческой специальностью и так еле-еле концы с концами сводит. Вадик столько же, сколько и я, получает, да ещё и родителям помогает. А оклады у нас – сама знаешь какие. Ты, вон, и со своей-то зарплаты не много отложила, а у тебя она, худо-бедно, раза в два больше, чем у нас с Вадиком.

Алла молча одевалась. Самое интересное, что на своей должности она и в самом деле зарабатывает неплохо. Но красота, как известно, требует жертв, так что деньги у Аллы никогда не задерживались надолго. Кстати, вот ещё один интересный феномен. В одном классе со мной учился некий Андрей Коньков. В школе он ничем особенно не выделялся, успевал очень средне по всем без исключения предметам, и даже внешность имел самую заурядную. У Конькова были мягкие, инфантильные черты лица, а кроме того, склонность к полноте, так что и в восемь, и в семнадцать лет он выглядел, не считая роста, примерно одинаково – этакий веснушчатый бутуз. Единственное, что его отличало – страсть к накопительству и любовь к разговорам о деньгах. Вечно он вынашивал какие-то прожекты о том, как можно разбогатеть, причём совершенно безумные. Не только между отличниками, но и в среде крепких середняков Андрей считался полнейшей посредственностью, чуть ли не тупицей. Да и особой любви к нему никто не испытывал – едва ли кто-нибудь другой из моих знакомых в большей степени заслуживал характеристики «снега зимой не выпросишь». Теперь этот «бутуз» – самый крупный владелец недвижимости в нашем городке и, по совместительству, муж нашей же одноклассницы, Ритки Ханиной, если не первой, то уж точно второй или третьей красавицы из всего выпуска. В школе надменная Ритка не то что «обдавала презрением» неказистого Андрея – нет, это нужно было ещё заслужить, а он для неё находился слишком близко к подножию иерархической пирамиды. Ритка просто-напросто царственно не замечала Конькова. Говорят, что теперь Ханина переняла все наклонности Андрея, включая и его патологическую жадность, – впрочем, я никогда не дружил с ней близко, так что не берусь судить.

Так вот, когда однажды, уж не помню по какому поводу, между мною, Ольгой и Вадиком Большаковым зашла речь о новоявленном магнате местного значения господине Конькове и его столь неожиданном для бывших однокашников финансовом успехе, то умная Норка высмеяла нашу наивность. В сущности, всё, что она сказала, было до такой степени бесспорно и очевидно, что ни у меня, ни у Вадика не нашлось ни слова возражения. Впоследствии мы даже недоумевали, отчего столь ясная истина не предстала нам давным-давно в сиянии своей кристальной простоты.

– Чего же здесь неожиданного или непонятного? – не без нравоучительности заметила Норка. – Всё элементарно, просто вы не хотите посмотреть на ситуацию беспристрастно, вам замутняет взгляд ваше глупое интеллектуальное высокомерие. Ну и что с того, что Коньков тупой?

– Как это «ну и что»? – возмутился Вадик. – Вот потому и непонятно!

– Эх, Вадик, святая простота! – ответствовала Ольга. – Ну, допустим, что у тебя в каждый момент времени, скажем, сто мыслей в голове, а у Конькова – десять. Из этого ещё ничего не вытекает. Главное – то, о чём вы думаете. У Конькова, может, девять мыслей из десяти – о деньгах и о способах разбогатеть. А у тебя, Вадик? Хорошо, если на сто мыслей одна такая найдётся, а остальные, небось, – о кишках да о кружке Эсмарха. Ну и что же удивительного в том, что он живёт в атмосфере денег, а ты – в атмосфере карболки с эфиром? Ни-че-го!

В отношении Вадика, кстати, Норка совершенно права – он ещё более непрактичный, чем я, а о деньгах, наверное, вспоминает дважды за месяц. Один раз – в день получки, а ещё один раз – когда обнаруживает, что в карманах пусто, а до зарплаты осталась ещё целая неделя.

Вооружённый этим остроумным аналитическим алгоритмом, я и к Алле пытался применить тот же тезис, но тут Норкин метод неожиданно забуксовал. Дело в том, что об Алле никак не скажешь, что она равнодушна к деньгам. Она в курсе, у кого какая зарплата в её комитете и на сколько процентов за прошедший год выросли доходы того или иного олигарха, она знает цены всех модных аксессуаров последнего сезона и прейскуранты ресторанов для «новых русских» в столице, она даже умеет навскидку определить стоимость роскошных нарядов ведущей телевизионной программы. Но при этом не всегда может похвастаться положительным сальдо личного бюджета. Я уже хотел было поделиться своими сомнениями с Олей, но тут меня осенило. На сей раз истина все же соизволила предстать мне в сиянии своей кристальной простоты. Андрей Коньков имеет привычку думать о том, как заработать деньги, а Алла – о том, как их потратить. Отсюда вытекает и разница в конечном результате. Ура, я догадался! Норка могла бы мною гордиться.

Кстати – не в период первой эйфории узнавания друг друга, а чуть позже, немного отрезвев, – я начал было задумываться о том, что Алле, с её жадностью к жизни и новым ощущениям, к роскошным часам и автомобилям, к богатству и расточительству, с её, наконец, снобизмом и стремлением наверх, к степеням и рангам, в качестве спутника жизни скорее подошёл бы какой-нибудь нувориш. И даже прямо спросил её об этом.

– Переживаешь? – участливо осведомилась моя подруга. – Не бойся, я тебя не брошу.

– Да я не о том. Просто хотел понять, как в твоём характере уживаются противоположные наклонности. Иногда мне кажется, что ты меня должна воспринимать как какую-то уставшую вещь, вроде бабушкиного зонтика для солнца: выбросить жалко, подарить некому, а вот если бы кто-нибудь украл, то было бы то, что нужно.

– Глупый! Просто я тебя люблю. Ты самый лучший. А с денежными мешками мне доводилось общаться – приятно, я тебе скажу, мало.

– Почему?

– Не знаю, может быть, где-то наверху, с девушками из своего круга их отношения складываются иначе. А тут, если ты нищая, то они думают, что они тебя купили. В смысле, если тебе, например, подарили кольцо с бриллиантом. Или шубу. Или повели в навороченный ресторан. Только набитые дуры считают, что подобные подарки – знаки внимания и признания. На самом деле, это не тебе кольцо купили – это тебя купили за кольцо. Впрочем, многие всё понимают – просто такие отношения их устраивают. Но такой вариант – не для меня. Мне, например, даже работу несколько раз предлагали очень высокооплачиваемую, и с тем же подтекстом – приобретаем тебя всю, с потрохами. Нет уж, мне этого не нужно. Я лучше свои деньги зарабатываю. Пусть они передо мной прогибаются, а не наоборот! А с тобой мне хорошо как раз потому, что никто никого не покупает.

Этот ответ в какой-то степени объяснял ситуацию. Что-то, а «прогибаться» Алла не любит.

Моя подруга тем временем уже оделась и направилась к двери.

– Алла, ну я, правда, не знаю, где найти деньги. Разве что...

Алла резко повернулась ко мне лицом:

– Что?

Ну вот. Сам виноват, что позволил необдуманным словам сорваться с губ. Понятно, что после того, как я неосторожно проговорился, моя любимая впилась в меня, как пиявка, пока не высосала всю информацию.

XIV

Худшим проявлением, доставшимся нам наследственно от наших предков и глубоко в нас укоренившимся, или, правильнее выражаясь, контрастной реакцией, следует считать ревность. Известная немецкая пословица гласит, несколько не преувеличивая: *«Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leidenschaft bringt»* (Игра слов, не передаваемая на русском языке. Значение пословицы: ревность – это страсть, которая ревностно ищет всего, что доставляет страдания.) Ревность представляет собою животное наследие, наследие варварства, – и это мне желательно было бы поставить на вид всем тем героям, которые берут под свою защиту ревность, прикрываясь щитом «поруганной чести» и возводя её на пьедестал. Пусть женщина имеет в десять раз больше шансов получить себе мужа неверного, чем страдающего ревностью... Мужская ревность в развитии человеческого брака ознаменована такими проявлениями, которые можно было бы считать невероятными. Здесь можно привести, например, железные пояса с замком, которые находятся ещё и в настоящее время в археологических хранилищах и в которые заковывали средневековые рыцари своих жён перед отправлением в поход, чтобы удовлетворить свою ревность...

Человеку... не свойственно управлять своими чувствами в мощном их проявлении, ревнивый же от природы, т. е. находящийся под воздействием унаследованных особенностей, страдает неизлечимостью и вносит отраву как в свою собственную жизнь, так и в жизнь супруга. Для таких людей брак не создан. Мы знаем, какую огромную роль играет ревность в психопатических лечебницах, во всевозможных судебных процессах и в литературе, так как она обуславливает наибольшее количество несчастных и трагических случаев в жизни человеческой. Искоренение ревности из человеческого мозга, если это только возможно, требует непрерывной работы воспитания и подбора. При снисходительном отношении к половым увлечениям мужа или жены принято говорить о супругах, что они отличаются «недостаточной ревностью». Такая снисходительность может, действительно, иметь место на почве циничного безразличия или же в связи с денежными соображениями. Но здесь приходится уже констатировать отнюдь не отсутствие ревности, а пробел в нравственном чувстве. Но снисходительность, основанная на разумной любви, должна заслуживать лишь уважения и поощрения. Мне хочется обратить внимание всех героев – приверженцев ревности на следующий случай.

Человек интеллигентный, пользующийся всеобщим уважением, имеющий в счастливом браке пятерых подростков, имел случай познакомиться с подружкой своей жены, вдовую, в свою очередь, интеллигентной, наделённой умом и пользующейся уважением. Встречи и беседы с нею послужили причиной сердечной привязанности, не замедлившей перейти в горячую взаимную влюблённость. Допущенная ими интимная близость могла бы им быть поставлена в вину, хотя отношения их, благодаря устойчивости вдовы, не успели перешагнуть известных пределов. И они не нашли ничего более благоразумного, как во всем чистосердечно признаться его жене, которая, отбросив недостойную ревность, приняла горячее участие в судьбе этих несчастных.

Благодаря искренности всех трёх участвовавших в этой щекотливой истории лиц, все постепенно снова вошло в свою норму, причём можно было бы ожидать благоприятного результата и в том случае, если бы вдова согласилась на полное половое общение, так как любящая жена не остановилась бы ни перед чем, чтобы создать спокойствие. Мы можем смотреть на такой случай человеческого общения с несчастной любовью, когда избегнут был скандал и сохранены были, по крайней мере, с внешней стороны хорошие отношения, как на более правильное решение задачи в высшем нравственном смысле, чем при помощи дуэли, вспышек ревности, развода и всех отсюда вытекающих последствий. Мне известны также мно-

гочисленные случаи, когда мужья, в свою очередь, были снисходительными по отношению к своим увлёкшимся и даже изменившим жёнам, причём всегда можно было считаться с хорошими результатами.

Август Форель, «Половой вопрос», 1906

XV

Ревность – это искусство причинять себе больше зла, чем другим.

А. Дюма-сын

Схема «левого» заработка, о котором я рассказал Алле, была крайне проста и не представляла особых трудностей для выполнения. Известно, что государственные медицинские учреждения обязаны предоставлять бесплатную медицинскую помощь исключительно по гражданству и месту прописки пациента. Конечно, бывают разные инциденты, и на практике это правило не всегда выполняется на сто процентов, но всё же, что касается дорогостоящих операций – таких, как операции на открытом сердце или позвоночнике, – то в подобных случаях провести «левого» больного в качестве местного жителя достаточно сложно. Естественно, многое зависит и от степени строгости делопроизводства в учреждении, и – что ходить вокруг да около, будем говорить без обиняков – степени продажности персонала. Не буду утверждать, что во всей нашей больнице дела обстоят одинаково, но что касается отделения, в котором работаем мы с Вадиком, то у нас порядок поставлен на должную высоту. Не в последнюю очередь это происходит благодаря жёсткой неподкупности заведующей отделением, Домны Васильевны Печениной, среди персонала больше известной как «Доменная Печь» за внушительные габариты и крутой нрав. Делопроизводство находится в руках Флюры Муминовой, человека жалостливого и не всегда буквально придерживающегося предписаний, но уж, во всяком случае, бескорыстного. Если Флюра и закрывает глаза на какие-то грешки, то не потому, что её «подмазали». Как бы то ни было, даже и такого рода события крайне редки и ограничиваются оказанием мелких услуг близким родственникам наших сотрудников и аналогичными ситуациями. Но на этот раз ситуация была несколько другой.

Около трёх недель назад меня осадил один из наших санитаров, Лёня Дробыш. Дело в том, что я считаюсь неплохим хирургом. Говорю об этом не из хвастовства, а только ради того, чтобы прояснить ситуацию. При том, что пациенты вынуждены вверять свою жизнь мастерству врача, можно понять, что многие из них пытаются заранее наводить справки, чтобы попасть на операцию именно к тому специалисту, который имеет наиболее безупречную репутацию. «Наиболее» – потому что исход лечения редко зависит от одного только хирурга. Я не предлагаю понимать поговорку о том, что «у каждого врача есть своё кладбище» буквально, но реальность такова, что не все пациенты выживают. Так что репутация, при всей эфемерности этого понятия, вещь серьёзная. Но бывает и наоборот. Иногда отдельные врачи и даже небольшие районные больницы приобретают крайне дурную славу.

Вот как раз такую примерно подоплёку и имело предложение Лёни Дробыша. Его дальний родственник, кажется, двоюродный дядя, нуждался в операции на позвоночнике, но наотрез отказывался оперироваться по месту жительства. Прочие родичи объединёнными усилиями «наехали» на Лёню – ведь он же работал в солидной областной больнице! Однако тут была одна загвоздка. Дело осложнялось не только тем, что Лёнин дядя имел азербайджанское гражданство, и даже не тем, что был ни капли не похож на русского. Хуже всего было, что он даже и не говорил по-русски. Для того чтобы такое заметное обстоятельство ускользнуло от внимания и не вызвало подозрений, операцию было необходимо проводить в обстановке строгой секретности, а тут уже требовался заговор. Поскольку трудность авантюры была очевидна даже для родственников Лёни, тот, подумав, решил, что сложившиеся обстоятельства предоставляют ему возможность поправить свои финансовые дела. Суть его замысла сводилась к тому, что он берётся «обработать» Флюру, чтобы придать видимость законности бумагам, а я должен был обеспечить всё остальное и при маловероятном, но всё же возможном провале взять на себя ответственность перед Домной.

Моей немедленной реакцией на предложение санитара, который в случае согласия посулил мне половину полученных денег, было чувство гнева, смешанное с отвращением, потому что Лёня цинично заявил, что его родственники не обеднеют, если раскошелятся на пять «штук». По мере того как я упорствовал, ставка возросла сначала до трёх, а потом и до четырёх тысяч. В конце концов Лёня ушёл, но обещал вернуться и, действительно, терпеливо повторял своё предложение всякий раз, когда мы пересекались на дежурстве.

Я, в общем-то, почти не сомневался, что Алла не найдёт в этой идее никаких нравственных дефектов, так что в горячем энтузиазме, с которым она приняла Лёнин план, не было ничего удивительного. Что касается моего отрицательного отношения к взяткам, то этот аспект показался ей настолько ничтожным, что она даже не удостоила его серьёзных возражений, – взять деньги «за риск» казалось ей вполне правомерным, ничуть не постыдным и даже не заслуживающим порицания.

Впрочем, примерно такую реакцию я и предполагал. За время нашего знакомства Алла несколько раз сокрушённо вспоминала о том, как, закончив заочное обучение в университете, вынуждена была расстаться с не очень престижным, но зато исключительно доходным местом – она работала в банковском отделении по обмену валюты. По её словам, за счёт колебаний курса в ту и другую сторону и с помощью творческого подхода к этой информации она «снимала» с клиентов в среднем по тридцать-сорок долларов в день в качестве «приварка» к своему заработку – то есть почти в два раза больше того, что зарабатывала официально. И никаких угрызений совести, разумеется, не испытывала. У нас как-то раз был разговор и о некоторых подобных возможностях, связанных с моей работой, причём Алла искренне недоумевала, почему я не беру взятку – ведь сами же дают! Даже вымогать не надо!

Вообще, я должен заметить, что отношение моих соотечественников к взяточничеству меня крайне огорчает и даже обескураживает. Люди отказываются понимать, что это, вероятно, самая большая проблема страны. Я не оговорился, именно это. Не терроризм, не экологические катастрофы, не СПИД и даже не родной и привычный бытовой алкоголизм. Нет, я вовсе не собираюсь строить из себя святошу. Я тоже не вполне «чист» и булькающие и вкусно пахнущие подношения не всегда отвергаю. Но, во-первых, есть разница. То ли ты берёшь неправомерную мзду за то, что обязан делать по служебной инструкции и по совести. То ли благодарный пациент, которого ты совсем недавно, едва поправившегося, выписывал после серьёзной операции, вдруг появляется у выхода больницы после твоей смены, чтобы предложить тебе «врезать по стакашку коньяку». А во-вторых, и такие подношения мне, в общем-то, претят. Если я могу дипломатично, без взаимных обид, отказаться, то отказываюсь, чем удивляю даже невинного, как младенец, Вадика Большакова. Он действительно очень порядочный человек, но и для него мздоимство – норма жизни. Кстати, с отцом и матерью Нины я тоже в своё время испортил отношения из-за своего длинного языка и не к месту резко высказанного отношения к взяткам. Моя Нина – даром, что вне родительского дома проявляла настойчивую склонность к аристократическим замашкам, не меньше, чем как какая-нибудь обедневшая, но получившая наилучшее образование в закрытом пансионе баронесса, – на самом деле выросла в провинциальном городке, в семье шахтера и заведующей заводской столовой. Свой первый после женитьбы годовой отпуск я провёл с Ниной и маленьким Алёшей в рабочем посёлке на краю Новокузнецка. Основным развлечением для меня во время этого, по всем статьям, ужасного «летнего отдыха» была дегустация разнообразных водок, самогонов и «портвейного вина» в обществе отца Нины, Алексея Ивановича. Процесс начинался сразу же после возвращения тестя с работы, а заканчивался далеко за полночь. Утром Алексей Иванович уходил на работу, а я оставался болеть и восстанавливать силы для нового вечернего приёма алкоголя. Робкие попытки дезертировать не имели успеха и даже вызвали безоговорочное осуждение

не только тестя с тещей, но и Нины, что в тот момент меня безмерно удивляло. После первых нескольких дней, когда уже стало понятно, что еженощные возлияния не являются данью нашему с Ниной визиту, а представляют собой часть рутинно-будничной программы, я вдруг – уж не припомню сейчас, по какой причине – призадумался. Нужно заметить, что во время застолий на маленькой «хрущёвской» кухне бесконечным рефреном проходила тема продажности министров, особенно актуальная на фоне задержки шахтёрских зарплат. Алексей Иванович выступал в роли запевалы, а теща поддакивала тут и там, и даже Нина нет-нет вставляла реплики и технические замечания о том, каким именно образом государственные чиновники «крутят» кровные шахтёрские денежки. Между тем, на фоне этих разговоров, выпивались целые литры вина и водки под не сказать чтобы чрезмерно изысканную, но добротную снедь. Конечно, можно было бы сделать некоторую скидку на разницу в ценах между Оренбургом и Новокузнецком, но никакая разница не способна была объяснить ни обилия разносолов, ни уж тем более количества спиртного, льющегося в рюмки как из рога изобилия. Я подсчитал, что моей месячной зарплаты, если судить по оренбургским ценам, едва хватило бы на недельный рацион подобного загула – не говоря уже о еде, плате за квартиру и коммунальные услуги. А я, между прочим, начинал свою карьеру в службе «скорой помощи» – как раз для того, чтобы позволить Нине беспроblemно закончить вуз, потому что гибкий график позволял худо-бедно обходиться без дорогостоящей нянечки для Алёши, а ночные смены давали мне возможность получать чуть больше, чем то, на что я мог бы рассчитывать, если бы устроился на ставку терапевта в районную поликлинику. Нет, я, конечно, знал, что шахтёры зарабатывают прилично, но всё же мои арифметические действия – как ни силился я придавать им наиболее благоприятные переменные величины там, где нужно было основываться на допущениях, – раз за разом давали сбой. В конце концов, я обратился прямо к первоисточнику.

– Так я же начальник смены! – не без гордой улыбки, и даже величаво разведя при этом руками, отвечал Алексей Иванович.

Это прозвучало так, как если б мой тесть был, например, алхимиком, а я, зная об этом, вдруг обнаружил бы наивность, граничащую с недалёкостью, выразив недоумение по поводу роскоши в доме – ведь и ребёнку должно быть понятно, что деньги – «не проблема», если каждую ночь из закопчённой магической реторты, в сопровождении надлежащих заклинаний, извлекается чистое золото, полученное путём перекаливания заурядного бытового мусора впоремешку с философским камнем, используемым в качестве катализатора.

Я подумал было сначала, что Алексей Иванович ссылается на некую иерархическую ступень у себя на службе, достигнув которой, человек как бы переходит в слой шахтёрской элиты и становится высокооплачиваемым специалистом экстра-класса. Я даже, кажется, изобразил на лице солидарность, чтобы вместе с тестем немного погордиться степенью оказанного ему доверия – как же, «начальник смены»!

Увы, объяснение неисчерпаемости винно-водочного потока оказалось гораздо банальней и одновременно неприглядней. Выяснилось, что на шахте издавна существует целая система поборов и круговой поруки – просто-напросто вместе с должностью начальника смены открывался и начальный доступ к «кормушке», недостижимой для рядового шахтёра. Наиболее доходной статьёй дохода, как доверительно и без всякой тени смущения тут же рассказал мне тесть, являлись, как он их назвал, «отгулы». Почти всякому человеку время от времени бывает необходимо отпроситься со службы по какой-нибудь личной надобности – навестить деревенских родственников, привезти из магазина домой новый холодильник, встретиться с любовницей. В подобных случаях, чтобы не терять оплаты, следовало заранее обратиться к начальнику смены, который, исходя из номинального тарифа в размере двух бутылок водки за трудовень, отмечал просителя в таблице учёта трудовых ресурсов как присутствующего на работе. При относительно меньшей, чем дневной заработок, стоимости одного литра водки, выгода подобного обмена не вызывала сомнений. Помимо наличного оборота, был также допустим расчёт

жидкими платёжными средствами и другими товарами и личными услугами, при этом относительная ценность эквивалента устанавливалась по согласию сторон. Отдельной статьёй шли невыходы на работу без предупреждения – по уважительным, но непредвиденным причинам – таким, например, как запой. Тут уже вступали в действие штрафные тарифы, причём меня поразила дотошно-детальная проработанность различных статей и подпунктов, вызывающая в памяти античные своды законов и «Русскую правду» – было очевидно, что над этими статьями потрудились не одно поколение начальников смен.

Каюсь – к этой фазе разговора я, в отличие от тестя, способного вливать в себя стакан за стаканом, почти не пьянея, был уже хорошо на взводе и, возможно, именно поэтому задал Алексею Ивановичу крайне некорректный и даже, как выяснилось, оскорбительный вопрос.

– Так в чём же разница? – спросил я. – В чём разница между вами и «министрами», которых вы без конца поносите? Я имею в виду не разницу масштаба, а принципиальную разницу. Вы делаете то же самое, что и они, просто у них больше возможностей – только и всего!

Я, конечно, не ожидал, что тесть начнёт меня благодарить за наставление на путь истины, прослезясь от внезапного озарения, открывшему ему позор собственного нравственного падения. Нет, я был заранее уверен, что он не согласится с моей оценкой. Может быть, даже рассердится. Или начнёт всё отрицать. Или, наконец, скажет, что, даже не одобряя установившегося порядка, он не собирается сражаться с ветряными мельницами. Что-нибудь вроде «Все берут – и я беру!» Или «Не нами придумано, не нам и менять». Но то, что произошло дальше, было хуже всего. Алексей Иванович обиделся.

А уже обидевшись и для начала мелко поморгав глазами, он выдал тираду, состоящую почти сплошь из матюков, – и это при том, что до того дня я не замечал в нём особой склонности к сквернословию.

– Ах ты щенок! – проревел тесть. – Да ты... да я тебя... да убирайся... из моего дома!

Тут же в качестве эшелона поддержки в разговор вступила тёща, правда, с более литованной репликой:

– Ишь ты, какой праведный выискался! Есть и пить в три глотки – его не «ломает»! И денежные переводы каждый месяц получать! Совести у тебя, зятёк, нету – вот что!

По перекосившемуся лицу своей жены я понял, что и она сейчас, отбросив напускную светскость, скажет мне какую-нибудь гадость. Но здесь я ошибся. Нина, действительно, перешла на фамильный стиль общения, но выступила в мою защиту. Резко встав из-за стола, она сначала бросила отцу:

– Заткнись, алкаш несчастный! – Потом, повернувшись к матери, сказала уже чуть более мирно: – И ты заткнись! – И, наконец, обратившись ко мне, произнесла почти нормальным голосом: – Хватит водку жрать, пойдём спать.

Уже засыпая, я вдруг вспомнил о переводах:

– На какие это переводы Ангелина Петровна намекала?

– Ни на какие, – ответила Нина.

– Нет, ну а всё-таки?

– Мама мне присылала немножко каждый месяц «до востребования». Прости, я тебе не говорила. Ну не сердись!

У меня уже не было сил сердиться. Я только сказал:

– Больше не бери у них деньги. Сами как-нибудь выкрутимся.

– Хорошо.

Не знаю, продолжала ли Нина получать какую-то денежную помощь от родителей после того или действительно от неё отказалась, – только я об этом больше никогда ничего не слышал.

На следующий день я с самого утра отправился бродить по городу, а когда, уже ближе к вечеру, вернулся, родители Нины сидели тихо, как мыши, – стало понятно, кто в доме настоящий хозяин. Тёща даже пришла звать меня к столу, но не стала настаивать. Едва я отказался, молча ушла обратно на кухню. Уже перед самым нашим отъездом в Оренбург она даже попросила её извинить, «если что не так». Я, в свою очередь, тоже просил её не обижаться на меня – да я и в самом деле чувствовал себя виноватым за свою глупую несдержанность. Правда, только перед ней, но не перед тестем, обложившим меня последними словами и предложившим мне «убираться из дома». Впрочем, и тесть был со мной отменно вежлив до самого конца нашего визита, хотя и не просил прощения формально. С другой стороны, наши совместные возлияния с того дня уже прекратились, так что и общение почти свелось на нет. Нина, правда, всё же настояла, чтобы все садились вместе за ужин, потому что ей было неприятно, что мы «собачимся», но разговоры за столом шли совершенно нейтральные.

Самое примечательное во всей этой истории, что она имела продолжение. Уже после того, как Нина бросила меня и уехала обратно в Оренбург, я, как-то возвращаясь домой, нашёл у дверей своей квартиры постаревшего и какого-то даже пришибленного Алексея Ивановича. Стыдливо опуская глаза, он сказал мне, что приехал со мной поговорить. Как ни неприятен мне был предстоящий разговор – я догадывался, о чём пойдёт речь, – отвертеться от него не было никакой возможности. В конце концов, не каждый день к тебе приезжает бывший тесть лишь для того, чтобы увидеться лицом к лицу и попробовать повернуть вспять чужую судьбу – я говорю «бывший», хотя на тот момент мы с Ниной ещё не были разведены. Мы поднялись в квартиру, и Алексей Иванович с порога начал умолять меня немедленно ехать в Оренбург и вернуть жену обратно в семью – «хоть насильно», если цитировать его просьбу дословно. Нину, по его словам, следовало «спасать». Разговор этот был для меня чрезвычайно тягостен, но я терпеливо выслушал тестя и объяснил, что не я был инициатором последних событий и что я готов принять Нину обратно, если она захочет вернуться, но считаю, что предполагаемая поездка ничего не решит. Похоже, родители Нины уже нарисовали себе воображаемые картины скандального поведения дочери, и наверняка более шокирующие, чем реальность, потому что Алексей Иванович ещё раз попытался меня убедить, опираясь на личный опыт:

– Может, всё-таки съездишь? Посмотришь там, что к чему... Ведь совсем неплохая девка, просто дура. Ох, и дура... Такая же, как мать её, Ангелина. Она тоже по молодости была – та ещё посвистушка!

Представить шестипудовую Ангелину Петровну в роли «посвистушки» было сложно, но вероятно, тесть, ради успеха предприятия, был готов приоткрыть для меня какую-то давнюю историю с тем, чтобы рассказать, как, лишь благодаря его терпению и пониманию, удалось сохранить семью, – может, хотя бы таким образом ему удалось бы на меня повлиять? Но семейную тайну родителей Нины мне всё же не довелось узнать, потому что я ответил спокойно и твёрдо:

– Алексей Иванович! Право, вы теряете время. Если кому-то и под силу что-либо изменить, так только самой Нине.

Тесть, как будто ещё больше постаревший за время нашего разговора, грузно поднялся со стула:

- Ну что ж... Не буду мешать.
- Куда же вы?
- Поеду в какую-нибудь гостиницу...
- Не стоит. Оставайтесь. Вы меня не стесните.

Тесть позволил мне уговорить себя остаться, и ещё через час мы с ним пили холодную водку под жареного карпа с овощами. Помня о резервах организма Алексея Ивановича, я предусмотрительно купил две бутылки, но он как-то очень быстро спёкся. Может, от усталости, а может, действительно, сказывался возраст. Вот тогда, захмелев, он и выдал мне:

– Хороший ты парень, Санёк. Трудолюбивый, не трус, не трепач. Но обидел ты меня! Здорово обидел. Если б не Алёшка – я б, наверное, вообще, никогда тебе не простил.

Вначале я не понял, о чём идёт речь и при чём здесь Алёшка. Но Алексей Иванович тут же пояснил:

– Ты же, считай, вором меня назвал. Меня – отца своей жены, который, к тому же, за всю жизнь ни одной копейки чужой не взял.

Выходит, мой тесть до сих пор, вот уже несколько лет, почитал мои слова за несправедливо нанесённую обиду.

– Да ладно, Алексей Иванович! Кто прошлое помянет... Давайте лучше выпьем.

– Давай. Сейчас-то уже, конечно, дело прошлое. Но тогда... Я ведь даже мужикам на работе о тебе рассказывал. Мол, дочка хотела сына каким-то там Дмитрием назвать, а зять настоял – нет, только Алексеем! В честь меня, значит. Вот, мол, какой он у меня! Так-то. А ты взял и всё обосрал!

Теперь стало понятнее, что имел в виду тесть, говоря об Алёшке. Действительно, мы с Ниной договорились, причём ещё тогда, когда до рождения ребёнка оставалось несколько месяцев, что если будет мальчик, то имя выбираю я, а если девочка – то она. Но я предложил назвать сына Алексеем вовсе не в честь тестя, а просто потому, что мне нравилось само имя. По-моему, я тогда даже не знал, как зовут отца Нины. Но, видимо, у них с тёщей в семейных преданиях имела хождение иная версия событий. Ну и ладно – я не собирался вносить поправки. Для меня было важнее другое – то, что тесть так и не задумался о том, что «министры» вырастают из «начальников смен».

Как бы то ни было, мы расстались почти друзьями. Самолёт Алексея Ивановича улетал ещё только через день, так что я, насколько мог, постарался сделать для него приятным пребывание в нашем городе, чтобы хотя бы отчасти отблагодарить его за бывшее гостеприимство. Больше мы никогда не виделись.

Я рассказал эту длинную и, наверное, нудноватую историю лишь для того, чтобы объяснить, насколько гадок и противен я был сам себе, когда давал Дробышу согласие на авантюру с его дядей. И, конечно, я мучился не только страхом перед тем, что меня могут поймать за руку на должностном преступлении, и не только стыдом за предательство собственных убеждений – стыдом особенно позорным в том случае, если бы это стало достоянием гласности, хотя бы в рамках нашего отделения. Нет, помимо всего прочего, я был совершенно уверен, что Алла совершает ошибку и что таким методом всё равно ничего нельзя было добиться. Вот эта-то несуразная глупость и нелепость собственных действий, как мне кажется, угнетала меня даже больше всего остального. Кроме того, я почему-то считал, что Лёня после нашей сделки будет вести себя со мной фамильярно, чуть не подмигивать мне с гадкой ухмылочкой – мол, знаем мы вас, все вы «одним миром мазаны»! Я прямо физически предвосхищал, как меня будет коробить при каждой встрече с ним. Забегая вперёд, скажу, что Дробыш был более чем корректен и ничем не напоминал мне о маленькой тайне между нами. Может быть, оттого, что и сам не выглядел геройски, беря комиссию с родственников, а может, оттого, что понял, что меня подтолкнули к этому поступку особые обстоятельства – во всяком случае, он нисколько не удивился, когда я потребовал свою долю вперёд.

Кстати говоря, мы чуть не спалились на своей «левой» операции под самый конец, потому что пошедший на поправку дядя Дробыша решил самостоятельно посетить туалет для колясочников и вместо кнопки смыва нажал раз десять-двенадцать на кнопку аварийного вызова. Разумеется, к туалету сбежалось несколько медсестёр. Хорошо, что Флюра оказалась рядом

и не допустила утечки информации. Не считая этого маленького происшествия, азербайджанский родственник, который лёг в больницу по документам Лёниного тестя и числился Петром Ивановичем Гавриленко, нигде не «засветился» – в общем, всё прошло удачно, если, конечно, так можно сказать о постыдном деле, навсегда лишившем меня нимба стойкого бесребреника.

Алла получила свои четыре тысячи, но, как и следовало ожидать, это лишь усугубило её проблемы – шантажист оказался вполне предсказуем. Единственная поправка, которую жестокая реальность внесла в мой прогноз, проявилась в том, что я его немного недооценил. Я говорил, что уже через месяц он прокутит свою добычу и придёт за добавкой, на самом же деле Генка уложился в три недели, хотя мне стало известно об этом гораздо позже, причём из совершенно непредвиденного источника.

XVI

Хотя общность жён и детей и в Спарте, и в Риме разумно и на благо государству изгнала чувство ревности, мысль обоих законодателей совпадала не во всё. Римлянин, полагавший, что у него достаточно детей, мог, вняв просьбам того, у кого детей не было вовсе, уступить ему свою жену, обладая правом снова выдать её замуж, и даже неоднократно. Спартанец разрешал вступать в связь со своею женой тому, кто об этом просил, чтобы та от него понесла, но женицина по-прежнему оставалась в доме мужа, и узы законного брака не расторгались. А многие, как уже говорилось выше, сами приглашали и приводили мужчин или юношей, от которых, по их расчётам, могли родиться красивые и удачные дети. В чём же здесь различие? Не в том ли, что Ликурговы порядки предполагают полнейшее равнодушие к супруге и большинству людей принесли бы жгучие тревоги и муки ревности, а порядки Ну мы как бы оставляют место стыду и скромности, прикрываются, словно занавесом, новым обрусением и совместность в браке признают невозможной?

Ещё более согласуется с благопристойностью и женской природой учреждённый Нумою надзор над девушками, меж тем как Ликург предоставил им полную, поистине неженскую свободу, что вызвало насмешки поэтов. Спартанок зовут «оголяющими бедра» (таково слово Ивика), говорят, будто они одержимы похотью; так судит о них Эврипид, утверждающий, что делят

«Они палестру с юношей,
И пеплос им бедра обнажает на бегах».

И в самом деле, полы девичьего хитона не были сшиты снизу, а потому при ходьбе распахивались и обнажали всё бедро. Об этом совершенно ясно сказал Софокл в следующих стихах:

«Она без столы; лишь хитоном лёгким
Едва прикрыто юное бедро
У Гермियोны».

Говорят ещё, что по той же причине спартанки были дерзки и самонадеянны и мужской свой нрав давали чувствовать прежде всего собственным мужьям, ибо безраздельно властвовали в доме, да и в делах общественных высказывали своё мнение с величайшей свободой. Нума в неприкосновенности сохранил уважение и почёт, которыми при Ромуле окружали римляне своих жён, надеясь, что это поможет им забыть о похищении. Вместе с тем он привил женицинам скромность и застенчивость, лишил их возможности вмешиваться в чужие дела, приучил к трезвости и молчанию, так что вина они не пили вовсе и в отсутствие мужа не говорили даже о самых обыденных вещах. Рассказывают, что когда какая-то женицина выступила на форуме в защиту собственного дела, сенат послал к оракулу спросить бога, что предвещает государству это знамение. Немаловажным свидетельством послушания и кротости римлянок служит память о тех, кто этими качествами не отличался. Подобно тому, как наши историки пишут, кто впервые затеял междоусобную распрю, или пошёл войною на брата, или убил мать или отца, так римляне упоминают, что первым дал жене развод Спурий Карвилий, а в течение двухсот тридцати лет после основания Рима ничего подобного не случилось, и что впервые поссорилась со своей свекровью Геганией жена Пинария по имени Талия в царствование Тарквиния Гордого. Вот как прекрасно и стройно распорядился законодатель браками!

Плутарх из Херонеи (ок. 45 – ок. 127), «Сравнительные жизнеописания», 25 (3)

XVII

Ревность – сестра любви, подобно тому, как дьявол – брат ангелов.

С. Буффлер

Те несколько недель, с момента передачи Аллой денег и до неожиданного звонка и последующего появления в моей квартире хлыщеватого Романа из «Восточного экспресса», прошли если и не безмятежно, то вполне рутинно, по крайней мере, без особых событий. Но вот что интересно: именно тогда, хотя внешне между мной и Аллой всё вернулось на старые рельсы, многие мелочи, раньше казавшиеся совершенно нейтральными, начали ужасно действовать мне на нервы – например, её манера смеяться. У Нины тоже был не совсем обычный смех, но ощущение несоответствия возникало лишь в самом начале, потому что если вы слышите, как кто-то хохочет громким басом, а при этом в поле зрения нет никого, кроме довольно хрупкой женщины, то у вас возникает непроизвольное побуждение начать оглядываться по сторонам. Однако после второго и третьего раза к странному контрасту уже привыкаешь и перестаёшь обращать на него внимание. Алла смеётся совсем иначе – почти беззвучно, растягивая губы и прищуривая глаза. Её открытый рот при этом издаёт шипение, вызывающее ассоциацию с проколотой автомобильной шиной, когда из неё выходит воздух. Вообще, смех, в отличие от искренней улыбки, – штука довольно агрессивная, а у моей подруги, кроме того, есть неприятная привычка высмеивать те вещи, которых она не в состоянии понять. Аллочкину издевательскую гримасу, призванную сообщить собеседнику, что он только что высказал несусветную, с её точки зрения, глупость, нельзя назвать особенно приятной. Но это, так сказать, результат, а теперь меня стал раздражать и сам способ исполнения. Кстати, снова оговорюсь: моя подруга отнюдь не глупа, просто её интеллект оперирует в ограниченной сфере, поскольку жёстко подчинён обслуживанию всего лишь двух основных потребностей. Во-первых, инстинкту выживания, включая сюда реализацию всего комплекса реальных нужд – в том числе половых, и не в последнюю очередь. Но, помимо этого, некоторых прочих, например, иерархических. Для Аллы они, без сомнения, входят в первую десятку – а то, что восхождение по социальной лестнице далеко не каждому представляется насущной необходимостью, не меняет сути. Вслед за инстинктом выживания идёт потребность разнообразных периодических «хотений». Например, Алла три месяца зудела, что ей просто необходим какой-то навороченный мобильник со стразами, а, купив его, тут же стала рассказывать, какую замечательную сумку «Виттон» она видела на соседней витрине – вот это, как раз, довольно типичные примеры взаимозаменяемых «хотений». Ну а всё остальное, выходящее за рамки двух вышеуказанных категорий, отменяется её интеллектом как ненужное и даже вредное умничанье. По этой же, кстати, причине заодно отменяются все только что приведённые мною соображения – поскольку Алле не под силу понять, что покупка ею мобильного есть не что иное, как одновременно удовлетворение и в то же время подпитка своего же невроза.

Как бы то ни было, в какой-то момент смех Алочки стал мне неприятен. Кроме того, я начал обращать внимание на противные визгливые нотки в её голосе. Насколько я помнил, раньше это было ей несвойственно. Или они существовали всегда, только я не придавал этому значения? Я и сам не знал. Мне ещё не пришла в голову простая мысль о жёсткой взаимосвязи собственных чувств с изменившимися жизненными обстоятельствами. И не то, чтобы я низвёл свою любимую с пьедестала. Полагаю, что на пьедестале она никогда и не стояла. Я же не был настолько пристрастен или слеп, чтобы совсем не замечать недостатков – при всём её очаровании и при всей своей привязанности к ней. Тем более что Алла, как человек органично колоритный и яркий, мало способна к лицедейству. Присущие ей черты – как достоинства,

так и недостатки – по большей части, отчётливо выражены, а если некоторые из них поначалу и укрылись от глаз, так Норка давным-давно позаботилась о том, чтобы у меня не оставалось иллюзий. Однако в прошлом это не мешало мне принимать свою любимую как есть, без изъятий. Тем неприятнее было теперь сделать открытие о причине неконтролируемых вспышек раздражения, которые в последнее время возникали у меня спонтанно и резко по самому ничтожному поводу. Пока я не связывал их с чувством внутренней неприязни в отношении Аллы, они были менее болезненны – неосознанная досада всегда переносится легче, поскольку не вызывает душевного раздвоения. Теперь я ощутил себя неправым и по мере сил старался сдерживаться, но подсознательный конфликт от этого, разумеется, не исчез. Самое время было задуматься об истинной мере ответственности каждого из действующих лиц, но тогда я ещё не был к этому готов. Я же не думал, что во мне идёт борьба двух противоположных побуждений. Я даже не догадался задать себе вопрос о том, насколько сильным, на самом деле, было влияние Аллы в постыдной истории со взяткой. А уж к пониманию взаимосвязи своих скрытых мотивов я пришёл гораздо позже, хотя постфактум они оказались очевидными. Скорее всего, соглашаясь на «левую» операцию, я всего лишь искал возможность возложить на Аллу как можно большую вину. Ведь бесплодность затеи с умиротворением шантажиста – если уж, в самом деле, не считать короткую отсрочку достижением цели – была очевидна. Так что же мешало мне сразу и категорически от неё отказаться? Следует также отметить ещё одну деталь. Конверт от Дробыша – всё, до последней копейки – я тут же передал своей подруге, хотя там было намного больше, чем требовалось. Но эти деньги, как любили писать в старых романах, «жгли мне руки». Кстати, и Норке я стал позволять безнаказанно говорить об Алле всё, что угодно, только после своего морального падения – раньше она всё-таки была вынуждена сдерживаться. Несколько позже я увидел в своих поступках кое-какие параллели с одной стародавней историей, касающейся моего первого серьёзного романа в студенческие годы. Может быть, стоит рассказать об этом чуть подробнее.

Институтская одnogруппница, Катя Некрасова, начала проявлять ко мне интерес ещё с самого начала первого курса, но до той предновогодней ночи, когда ей удалось меня «свертнуть», я довольно вяло отвечал на её неуклюжий флирт. Дело в том, что она ни в коей мере не соответствовала тому возвышенному образу идеальной возлюбленной, который я, тогда ещё совсем неопытный и романтически настроенный юнец, «носил в своём сердце». Некрасова, действительно, ничуть не казалась красивой, а если не была лишена своеобразной привлекательности, то представляла собой крестьянский тип, весьма далёкий от тех черт, которые я рисовал в своём воображении. Она, кстати, действительно, выросла в деревне под Оренбургом, где у её родителей имелись дом и хозяйство и куда она ездила каждые выходные. У Кати было круглое лицо, высокая грудь и широкие бёдра, что в сочетании с малым ростом производило впечатление коренастости, хотя её нельзя было назвать полной. Правда, при этом она обладала стройной шеей, в отличие от многих женщин подобного сложения, у которых голова зачастую кажется посаженной прямо на плечи – особенно часто это бросается в глаза в сочетании с неудачной стрижкой. Так что нельзя сказать, что в Катиной внешности не было отдельных достоинств. Но, как бы то ни было, внимание столь приземлённой во всех отношениях девушки мне вовсе не льстило, скорее наоборот. Кроме того, Некрасова была на три с лишним года старше, чем я и большинство моих одnogруппников, а для семнадцатилетнего отрока – восемнадцать мне «стукнуло» только в конце ноября – даже три года представляют собой немалую возрастную разницу. Да и воспринималась она мною не как сверстница, а как взрослая женщина, отчасти из-за того, что к тому времени успела сходить замуж и развестись, и даже, уже вслед за разводом, родить дочку, которая постоянно жила с бабушкой и дедушкой в деревне, а маму видела только во время коротких визитов. В Оренбурге Катя снимала комнату у своей дальней родственницы, суровой и неулыбчивой женщины. Упоминаю об этом в силу того, что данное обстоятельство тоже сыграло роль в наших отношениях.

Некрасова ухаживала за мной уныло и серьёзно, чуть ли не угрюмо, часто не к месту проявляя всякого рода хозяйственно-бытовую заботу, например, интересуясь в присутствии моих приятелей, давно ли я менял рубашку, чем заставляла меня краснеть «до корней волос». Возможно, Катина угрюмость объяснялась осознанием сложности задачи – вряд ли она считала, что ей будет легко впрячь нас в одну телегу, к тому же я готов допустить ещё одно соображение – её могло дополнительно угнетать понимание того, что конём в этой предполагаемой упряжке, в любом случае, была бы она. А я, несмотря на атрибутику сильного пола, был бы, скорее, ланью.

Как бы то ни было, но накануне Нового года, когда наша институтская группа обсуждала варианты празднования, Катя предложила собраться в тёткиной квартире – та как раз укатила к своей дочке в какой-то другой город – за давностью лет я не помню, в какой именно. Приглашение было принято большинством голосов, и таким вот образом я оказался в канун праздника у Кати в гостях – она вполне формально попросила меня помочь ей передвинуть мебель и украсить комнату, а я простодушно согласился. Дальше всё происходило, как в средневековой плутовской новелле. За перемещением мебели и украшением комнаты последовал ужин, за ужином – бутылка наливки и разговоры до первых петухов. Потом мне было вполне невинно и буднично предложено не тащиться в общежитие, а переночевать в доме и, возможно, уже остаться до следующего вечера, ну а я не нашёл достаточно веских причин, чтобы отказаться. Коварная Некрасова постелила для меня на своей кровати, а сама, с многословными пожеланиями спокойной ночи, отправилась спать в тёткину спальню. Но часа через полтора она неожиданно вернулась и, предусмотрительно не спрашивая у меня согласия, юркнула под одеяло, чтобы решительно и накрепко прижаться ко мне всем своим горячим и совершенно обнажённым телом. В её объятиях ощущалось даже некоторое ожесточение – подозреваю, что эти полтора часа она не спала, тщетно ожидая, что я приду к ней сам, покуда у неё не лопнуло терпение. Вот так я и познал свою первую женщину – без «вздохов на скамейке», без «прогулок при луне» и вообще без всякой романтики. Нет, впоследствии у нас с Катей случались и прогулки, и походы в какие-то кафе, но всё это – уже после. Даже поцеловались мы с ней в первый раз и то после.

Вообще же отношения между нами, даже при том, что со стороны Кати всегда ощущался излишний напор, развивались достаточно вяло. Причин было несколько. С одной стороны, слишком мало возможностей для интимных встреч. Комната моего общежития, номинально рассчитанная на трёх жильцов, была «уплотнённой» – то есть туда была втиснута четвёртая койка, и, соответственно, мне приходилось обеспечивать гарантированное отсутствие аж троих товарищей. Это было не всегда удобно, тем более что с одним из них у меня сложились не слишком тёплые отношения и он не проявлял рвения к сотрудничеству, а взаимообразные услуги ему тоже не требовались в силу отсутствия у него не только подруги, но и вообще интереса к вопросам пола. Что касается Некрасовской родственницы, то эта злобедная пенсионерка практически всё время безвылазно торчала дома. У Кати в спальне к тому же не было двери – в проёме вместо этого болталась какая-то дурацкая занавеска. Так что наши свидания происходили лишь тогда, когда тётка благоволила куда-нибудь уйти, а в первое время это случалось не чаще раза в месяц. Правда, Катя, будучи здоровой и темпераментной женщиной – о чём я догадался уже несколько позже, приобретя кое-какие познания и элементарный жизненный опыт, – пыталась было меня убедить, что «тётъ Шура» – не помеха, что она «всё понимает и не будет нам мешать, ты её даже не увидишь», и что вообще нечего стесняться естественных проявлений чувств. Один раз, в канун Восьмого марта, Некрасовой удалось затаскать меня к себе в присутствии тётки, но ничего хорошего из этого не вышло. «Тётъ Шура» оказалась довольно суровой с виду и властной по манерам старухой. Первым делом, отложив в сторону принесённые мной по случаю предстоящего праздника цветы, она, вопреки Катиным уверениям, насильно усадила нас пить чай и стала выведывать у меня всю подноготную,

включая интимнейшие детали – о родственниках чуть ли не до десятого колена, о чувствах к Кате, о жизненных целях. Даже моё телосложение подверглось пристрастному обсуждению – тётке не понравилось, какой я «щупленький». Было очевидно, что в этом доме к вопросам подбора кандидатов для обеспечения семейного счастья Кати относятся обстоятельно и серьёзно, уж во всяком случае, не менее серьёзно, чем к вопросам племенного животноводства – в процессе разговора выяснилось, что трудовая деятельность «тётъ Шуры» проходила в селекционном центре для крупного рогатого скота. Подобное освидетельствование ощущалось мною как довольно унижительная процедура и даже напомнило недавнюю медкомиссию в военкомате, где симпатичная, но строгая докторша заставляла меня нагибаться и раздвигать ягодичы. Далее нам с Катей были преподаны начала нравственных основ – не слишком подробно, но достаточно для того, чтобы я осознал, что жизнь – штука серьёзная и существует «не для баловства». После такого напутствия и, учитывая то, что целью моего визита было почти исключительно одно «баловство», мне оставалось только надеть пальто и откланяться, что я и сделал, несмотря на яростное сопротивление Кати. Напоследок она прошипела, что не желает меня больше видеть, а тётке «ещё устроит». Не знаю, о чём уж они там говорили, но наши свидания с тех пор участились – видимо, Некрасовой удалось добиться от родственницы каких-то уступок. На мне же эта конкретная размолвка никак не отразилась.

Во-вторых, публичные проявления Катиной навязчивой бытовой заботливости в новом году не только не прекратились, но даже усилились, хотя я и говорил ей, что мне это неприятно. В результате одноклассники начали считать нас чуть ли не семейной парой, что существенно ограничивало для меня манёвренное пространство. Кроме того, это вызывало насмешки и подтрунивания других парней из моей группы, а один из них, некий Федя Жарков – между прочим, выходец из той же деревни, что и Катя, и такой же крепыш с виду – не упускал ни одного случая, чтобы не отпустить какого-нибудь ядовитого замечания по её поводу. Тут уже возникла дилемма: либо обидеться за Некрасову и дать ему по морде, тем самым «официально» признав её своей девушкой, либо – постольку, поскольку ничего прямо оскорбительного не произносилось, – продолжать подчёркивать свою непричастность, игнорируя его шпильки как нечто не имеющее ко мне ни малейшего отношения. Я предпочёл второй вариант.

Как-то весной, уже ближе к летней сессии, в очередной раз приехав из своей деревни, Катя простодушно вручила мне на лекции по химии несколько ранних парниковых огурцов – прямо на глазах изумленных одноклассников и нашего преподавателя, доцента Келлера. Казало бы, ничего страшного не произошло, но эти злополучные огурцы вызвали у меня раздражение и острое желание отдариться.

После занятий я пошёл на базар, купил у какого-то азербайджанца экзотических для тех мест фруктов и овощей почти на всю свою стипендию и на следующий же день, как только Катя появилась на занятиях, вручил ей эту провизию в большой полупрозрачной сумке из клеёнки. Причём, делая покупки, я был уверен, что хочу совершить жест ответной благодарности.

Конечно, проанализировав ситуацию чуть позже, я догадался, что моим главным движущим мотивом было вовсе не это, а желание унижить – тем более что потратить столь громадные для нас по тем временам деньги на тривиальный, в общем-то, силос было бы дикостью, если б за этим не угадывалась иная цель.

Катя «прочитала» моё скрытое послание даже раньше, чем я успел его осознать, смысл же его заключался в том, что, пожелай я только, мне будет нетрудно приобрести для себя что-нибудь получше, и её жалкие огурцы, вкуче с её прочими жалкими знаками внимания, меня ни к чему не обязывают. Конечно, в какой-то степени Некрасова заслуживала такого отношения, хотя бы из-за того, что прибегла к не совсем чистому способу, чтобы меня заполучить. Тем не менее, я не собираюсь задним числом приукрашивать собственную роль – с моей стороны было натуральным свинством «отблагодарить» Катю подобным образом за её вполне объяснимые и не самые дурные побуждения, над которыми она к тому же вряд ли была властна. Как раз с

тех пор между нами и начался невидимый разлад – не только из-за моего демарша, но, не в последнюю очередь, и из-за того, что Некрасова смирилась с тем, что мало для меня значит и, соответственно, начала вести себя более свободно. Хотя кто знает? Может, у неё уже тогда появился некий скрытый стратегический замысел, призванный через ревность укрепить моё чувство привязанности. Не берусь судить о том, что правильно, а что нет, но у Кати было бы больше шансов пробудить во мне ответную жертвенность через видимость бескорыстного служения. Что касается перспектив воздействия на меня ревностью или угрозой утраты её благосклонности, то такие попытки – не важно, намеренные или неосознанные – были заранее обречены.

Так вот, по поводу параллелей – одна из них сводилась к тому, что Алла побудила меня совершить поступок, который я при любых обстоятельствах уже не мог ей простить и который теперь давал мне повод для стойкого чувства неприязни. Спору нет, после того как всё произошло, у меня имелись «железные» основания возлагать на Аллу часть ответственности, но такого варианта развития событий можно было бы и избежать. Однако подсознательно я, видимо, стремился к другому исходу – мне нужна была виноватая Алла.

Другая параллель имеет отношение не столько к области души, сколько к чистой физиологии – говорю об этом не в смысле «низкого» и «высокого», а только для того, чтобы разграничить категории. Конечно, в плане искущённости было бы некорректно сравнивать простодушную Некрасову с такой изощённой постельных дел мастерицей, как Алла. В этом месте, кстати, уместно будет сделать ещё один дополнительный экскурс в мои студенческие годы. На второй или третий день своей учёбы в институте я совершенно случайно, по какому-то странному капризу судьбы, познакомился с парнем-старшекурсником, которому впоследствии был обязан многими из теперешних пристрастий и чуть ли не особенностью своего мироощущения. Всё началось с того, что лифт, в котором я оказался вместе с Лёней Соловьёвым – так звали моего будущего наставника – застрял между этажами и провисел без движения больше четырёх часов. Входя в лифт, мы с ним едва кивнули друг другу, а вышли из него почти друзьями, успев во время своего вынужденного совместного заточения переговорить обо всём на свете. Да и то – я говорю «почти друзьями» лишь оттого, что, как давным-давно и не раз было подмечено, слишком быстрая дружба между людьми частенько приводит к долгой неприязни. В нашем случае эта старая примета ни в коей мере не оправдалась, и на несколько месяцев вперёд, вплоть до своего выпуска, Лёня принял на себя роль моего ментора. Правда, в силу особенностей характера он – если применить к нему литературные штампы – был больше похож на сумрачного Харона, чем на приветливого чичероне. Да и ещё по одной причине мой новый друг больше тянул на сравнение с Хароном – тот, как известно, перевозил путников лишь в одну сторону. То же самое можно сказать касательно многих усвоенных мною с подачи Лёни привычек – отделаться от них впоследствии оказалось невозможно, хотя не все они были объективно полезны для отношений с другими людьми и к тому же подтачивали привычные стереотипы. Между тем, жить, опираясь на какие-то шаблонные моральные критерии – пусть даже настолько иррациональные, что их с полным основанием можно считать за предрассудки, – всё-таки проще, чем, лишив себя всякой опоры, выходить за рамки готовых клише и полагаться только на рациональные суждения. Уж в чём в чём, а в этом я готов дать свидетельство кому угодно, причём, что называется, из первых рук. Когда вам говорят, что нравственный потенциал образа кормящей женщины с младенцем на руках по сути идентичен потенциалу образа мухи, откладывающей яйца на наиболее лакомый для её личинок участок коровьей лепёшки, то это поначалу шокирует, хотя бы вы и не находили ни одного веского довода для опровержения. Соловьёв обладал одним из тех качеств, ценность которых крайне амбивалентна, – смелостью суждений. Это качество, незаменимое для выдающегося учёного, может сыграть злую шутку с обывателем. Некоторое внутреннее сходство между мной и Лёней, безусловно, сказалось уже при первой встрече, иначе мы не смогли бы так сразу и так свободно начать говорить друг с

другом, но если я в общем и целом был вполне продуктом среды обитания, то Соловьёв выступал в роли демона-искусителя. В числе мер, предпринимаемых Лёней для моей эмансипации, были хождения по всевозможным лекциям, из тех, которые он находил интересными, главным образом, по вопросам психологии и психиатрии – как в нашем институте, так и вне его. Так я попал на учебное занятие довольно известного специалиста по сексологии, некоего Васнецова. Вот его-то тезисы – довольно остроумные, хотя и спорные – я и собираюсь здесь привести. Не имея возможности гарантировать дословной достоверности, я всё же могу ручаться за общий смысл. Кстати, замечу, что Лёня заранее охарактеризовал сексолога как «человека, не расположенного к поклонению идолам». Это подтвердилось уже после нескольких вводных фраз, когда профессор спросил:

– Кто из вас слышал о «Камасутре»?

Лекция предназначалась для студентов, поэтому вопрос вызвал некоторое смущение и замешательство в юной аудитории, но после того как более решительные подняли руки вверх, а более робкие к ним постепенно присоединились, то оказалось, что о древнеиндийском трактате знают почти все.

– А кто из вас прочёл «Камасутру»? – вновь спросил сексолог.

На этот раз «лес рук», как называла это явление моя учительница по литературе, заметно поредел. Но хотя неосведомлённых оказалось теперь намного больше, чем осведомлённых, всё же примерно четвертая часть присутствующих подтвердила свою эрудицию.

– Так... У меня вопрос к тем, кто читал «Камасутру». С чем бы вы могли её сравнить, если бы вам нужно было назвать какую-то другую книгу, очень похожую по композиции, но при этом из совершенно иной области знаний?

Предложений не последовало, и Васнецов насмешливо спросил:

– Что? Не знаете? Так я вам скажу. Такая книга стоит у меня в кухне на книжной полке и называется она «Шестьсот блюд из картофеля». Эта книга очень нравится моей жене, потому что она большая любительница картофеля, ну а я, признаться, к нему равнодушен. Что касается нашей дочери, то она у нас получилась «плотоядной» – овощи просто терпеть не может и любой другой еде предпочитает мясо. Вы, должно быть, задаётесь вопросом, какое это имеет отношение к сегодняшней теме. Отвечаю – прямое. Наша традиционная культура склонна приписывать половой активности человека некую духовную составляющую, поэтому считается, что всякие сравнения полового влечения с голодом граничат со святотатством и профанацией высокого чувства любви. А я вам скажу как врач, и не просто как врач, а как не самый плохой специалист в этой области – более уместного сравнения просто не существует. Как известно, имеется два аспекта секса – прокреативный и рекреативный, и вы понимаете, что сексологу приходится, в основном, заниматься вторым. Так вот. Как раз в этой области возникает огромное множество аналогий. Тут и интенсивность испытываемого голода, и искусство повара, и вкусовые предпочтения, и даже внешнее оформление блюд. Причём, заметьте, насколько строже, без всяких на то оснований, общественное мнение относится к отступникам в области секса по сравнению с областью кулинарии – любовь или нелюбовь к картошке вовсе не воспринимается как какой-то недуг или аномалия. В худшем случае – как безобидная странность. Можно любить картошку. А можно и не любить, но принимать в пищу ради утоления голода. Можно вовсе не есть. Или же есть, но с отвращением. И при этом – всё нормально, никаких вопросов, никто с жалобами к врачу не идёт. Но в таком случае, может быть, и серьёзность некоторых так называемых половых расстройств сильно преувеличена? Лично я в этом даже не сомневаюсь, поэтому всегда – конечно, при условии отсутствия признаков патологии – рекомендую своим пациентам ещё раз взвесить, насколько им необходимо радикальное лечение. Возможно, вы будете удивлены, но самая распространённая причина обращения пациентов к сексологу – отнюдь не проблема дисгармонии как таковой в отношениях между партнёрами, а вполне конкретная слабая половая конституция одного из них. Причём сам носитель предпо-

ложительно неадекватной конституции, как правило, ничуть от этого не страдает и, если бы его не просветили, то, возможно, даже и не задумался бы никогда о своём несоответствии. Да и что значит «слабая»? Само понятие нормы в наши дни крайне искажено социальным контекстом и далеко не соответствует медицинским представлениям. Между тем, полное соответствие между партнёрами встречается редко, и с этой точки зрения чрезмерно сильная конституция потенциально несёт в себе те же самые проблемы, только с противоположным знаком. Так кого же нужно лечить? Вы, вероятно, спросите, каков выход из этого кажущегося тупика? Он прост. Это поддержка, понимание и терпимость. Ведь все согласны с тем, что вкусовые запросы и предпочтения у людей совершенно разные – почему бы, следуя подобной аналогии, не относиться так же без предубеждения и к своеобразности половых потребностей вашего партнёра? То, что он или она не выражает желания сию минуту «разделить с вами трапезу», ещё не означает, что вас не любят, возможно, ваш партнёр просто не успел проголодаться. Или же просто недолюбливает этот «овощ» – а таких людей, уж поверьте мне на слово, хватает. Или же находит предлагаемое вами меню слишком скучным. Кстати, заметьте, что даже «Камасутра» знает всего лишь шестьдесят четыре способа исполнения, тогда как скромная кулинарная книжка моей жены – целых шестьсот. Но самое главное прозрение, вытекающее из аналогий, должно заключаться в том, что, как бы кто ни изощрялся в постельном искусстве, исходным материалом остаётся всё та же «картошка». Что бы вы ни делали, вас ждёт поразительное однообразие. А ведь встречаются гурманы, недовольные даже тем, что их партнёры, пусть и проявляющие неизменную покладистость и готовность к сотрудничеству, делают это без надлежащего восторга. Такая чрезмерная привередливость представляет собой глупость в чистом виде и неприемлема в отношениях между разумными людьми. Итак – вот первая и единственная заповедь, которую следует усвоить всем и каждому, кто сталкивается с проблемами на сексуальном фронте. Эти проблемы – ваши! И решение их – в ваших собственных руках как в переносном, так и в буквальном смысле. Перекалывание ответственности на половых партнёров недопустимо ни в коем случае. Они вам могут только помочь – если, конечно, захотят. Ну а теперь, приняв на вооружение данную аксиому и метод сравнительного анализа, приступим к предмету нашей беседы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.